

Жизнь городка писателей во все времена

М. М. Пришвин в лесу в районе реки Пинега. 1935.
Инв. номер: ФО-10646.

© П. М. Пришвин / ФГБУК «Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля».
Номер в Госкаталоге: 57526418.

Печ. по фотокопии, сохранившейся в фонде Л. И. Скорино в Архиве литературной жизни XX века

Прошла моя жестокая молодость, теперь я ружье беру только, чтобы добыть себе пищу. Вот убил вчера двух глухарей, теперь хватит нам дня на три, и я иду без ружья за грибами стариком, будто иду в свой настоящий дом, где такой мир, такая радость, такая слава жизни в росе. Грибы такие глазастые смотрят на меня со всех сторон. Кто не обрадуется этому всему?

Цит. по: Пришвин М. М. Собр. соч. : в 8 т. / редкол.: В. В. Кожин и др. ;
[ил. Ф. В. Домогацкого]. М. : Худ. лит., 1986. Т. 8: Дневники, 1905–1954 /
[Сост., подгот. текста и коммент. Т. Н. Бедняковой и др.]. С. 217.

Лесной жемчуг

«Дикие грибы растут на всякой гадости и впитывают тяжёлые металлы»; «Это таблица Менделеева, а не еда»; «Лучше в супермаркете шампиньоны купи»... Я киваю и иду в лес. Советовать грибнику шампиньоны из супера — всё равно что скалолазу рекомендовать смотровую площадку вместо Эвереста. Лесные грибы — это не про еду, это про эстетику.

Процесс собирания — азартная игра. Лесной покер, прятки на интерес. Надо идти медленно, крадучись, внимательно оглядываясь, чтобы не пропустить среди лоскутов мха пуговку гриба. Не раздражаться, даже если корзинка подолгу пустует. Вести себя так, словно «не очень-то и хотелось, я вообще тут просто гуляю». Только грибной покерфейс и неусыпное внимание! Ведь лес тоже играет, прячет, обманывает. Видишь вдали огонёк мухомора — не верь! Обязательно подойди, посмотри вокруг: ядовитые грибы часто растут рядом со съедобными, словно бы для охраны богатства, в качестве стражей. Видишь удобную тропинку — не ходи по ней, бесполезно. Лезь в гущу царапучих ёлок, они тоже охранники. Нужна настырность, готовность разглядеть спрятанное, отличить от упавшего листика бархатистый или маслянистый «лотерейный билетик». И тогда — бинго!

Выигрыш оцениваешь по частям: толстая ножка — уже хорошо, испод шляпки губчатый — вообще большой куш. Это представитель одного из самых благородных семейств. Белый такой плотный толстяк, что как срезаешь — след от ножки в земле, будто лужица сметаны. Подберёзовики змеятся из глубины мха и хвороста, до начала их «хвоста» нужно докопаться, а не рубить гриб посередине, ведь ножка — самое мясистое. А у подосиновиков, подубников и моховиков шляпки будто разноцветной замшей обтянуты — кажутся игрушечными. Все они настолько нарядно-благородные, что их любой, даже совсем не лесной человек угадает. А вот ножка тонкая плюс пластинчатый низ — это лотерея для знатоков. Миллион разноцветных вариантов от «не аристократ, но тоже вкусный» до «увы, поганка, где бы теперь помыть руки?».

Но самые трогательные и волшебные — грибы-нестандарты, которые сейчас уже мало кто знает и почти никто не берёт, боясь отравиться. Душистые, похожие на белые бусины дождевики, которыми в Переделкине усыпаны целые поляны. Нежные кустики оленьих рожек, больше напоминающие «мочалки» сморчков, которые появлялись раньше, чем расцветают подснежники. Друзья диких вёшенко, заселяющие старые пни.

Однажды недалеко от дома Окуджавы я нашла гигантский строчок размером больше футбольного мяча. Убеждена, что этого бархатистого красавца, похожего на свернувшегося колючим шарпея, видела не одна я. Просто другие побоялись брать, не опознав вкуснейшего компаньона жареной картошки, спутав с обычными строчками, которые ядовиты.

Всё это великолепие большинство людей считают поганками. Определе-

Неважно, какой вы грибник. И грибник ли вообще. Даже если вы ходили за грибами только в раннем детстве. Возможно, вы и есть их не любите — что, конечно, смешно. Всё это неважно.

Грибы вписаны в код русского человека. Даже в детский букварь они вписаны. Так что все эти фантастические сюжеты про симбиоз человека и гриба — никакая не фантастика. Может, где-то там и фантастика, а у нас нет. Осень — время грибов. Пора!

ние в справочниках — «условно съедобные» — означает: «неплохо, но лучше выварить». Однако с детства разбираясь именно во второстепенных грибах, я ощущаю себя носителем какого-то особенного, колдовского знания. Я собираю лесной жемчуг, я шаман!

На прогулках моя пластиковая коробка очень быстро наполняется тугими белоснежными дождевиками. А ещё сверху три сыроежки и семеро козлят, как в сказке. «Да у вас же в основном поганки». — Пожимает плечами случайная встречная тётушка. О нет, вы просто не слышите грибы! Поганки пахнут тревожно, неприятно, словно сами же предупреждают об опасности. У съедобных же грибов аромат добрый, дружеский, сладкий и порой даже больше, чем цветочный, по пышности.

А вот у моих родителей — провинциальных актёров — просто не было выбора. Грибы раньше называли: «мясо для бедняков». И они действительно очень выручали, делая простую картошку настоящим деликатесом. Ведь ни на что особенное зарплаты не хватало, а так хотелось вкусенького. Одно из чудеснейших воспоминаний детства — чугунная сковорода, полная жареной картошки с грибами, прямо на столе, на разделочной доске. Вилкой с нее есть можно и нужно, ведь ни о каких антипригарных покрытиях речи ещё нет, а корочка, которую отдираешь со дна, — это самое вкусное. И вот моя вилка плурует в дебрях золотистой соломки, вылавливая разномастные, сладкие приветы леса.

За грибами мы ходили с рюкзаком и брали всё, что можно съесть. Условно не условно — дело десятое. Помню, как-то родителям попалась слишком урожайная поляна опять, и папа вернулся домой в исподней майке: свитеру связали рукава и утрамбовали его ояптами так, что он стал по размеру больше самого папы. Он бы и тренки снял, если бы ехать не так далеко было. Червяки тоже минусом не считались. Как говорила моя бабушка: «Не те черви, что мы

едим, а те, что нас едят». Грибы солили, варили, жарили и обязательно сушили, используя потом весь год очень экономно, так что к следующему грибному сезону в банке ещё оставалась ароматная, хоть и уже совершенно пергаментная на вкус взвесь — цепоть волшебства.

Как давно это было. Но теперь-то в чём смысл шататься с коробкой по лесу? Я же не голодаю. Грибы — не замена мясу. А если бы и были заменой, купить в магазине — дело пяти минут. Будут хоть солёные грузди, хоть картошка с лисичками. Вот только волшебства не будет.

Как-то раз узнала, что знакомый пе-

НО САМЫЕ ТРОГАТЕЛЬНЫЕ И ВОЛШЕБНЫЕ — ГРИБЫ-НЕСТАНДАРТЫ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС УЖЕ МАЛО КТО ЗНАЕТ И ПОЧТИ НИКТО НЕ БЕРЁТ, БОЯСЬ ОТРАВИТЬСЯ

рестал есть огурцы. Вдруг как отрезало — ни кусочка. «Понимаешь, — объяснил он, — когда я был маленьким, зимних огурцов не существовало. Но зато я помню восторг, когда появлялись первые парниковые, в мае. Длинные, как змеи, лысые, водянистые, но настоящие! Они не просто пахли, а, казалось, радостно орали на всю кухню, когда мама разрезала и легонько присыпала семечковый узор солью. Я принимал этот огурец, как священный Грааль. Душа стонала! А теперь что? Просто огурцы. Зимой и летом одним вкусом. Хочу снова тот восторг испытать». Ну да, как говорил граф Калиостро, «огонь тоже считался священным, пока Прометей не выкрал его, теперь мы кипятим на нём воду».

Так что хорошо, что дождевики и оленьи рожки пугают коммерсантов своей «условной съедобностью». Не было бы этой «условности», стоило бы, наверное, её выдумать, чтобы она, как тот мухомор, хранила волшебство.

Ярослава Танькова

О грибах и людях

В те времена, когда я была ещё не очень большим, четырёхлетним человеком, было мне совершенно неизвестно, что люди делятся на микофобов и микофилов. Первые грибов боятся, а вторые их любят. Собственно, размышления о том, как именно первые боятся и за что вторые любят, и привели меня к небольшому лирическому воспоминанию внутри другого воспоминания, спрятанному одно в другом, как матрёшка. Первое воспоминание принадлежит мне, человеку, родившемуся в середине 80-х годов прошлого века, а второе — моей чудесной бабушке, родившейся в 20-е годы того же века, что и я, то есть уже сто лет назад.

Благодаря многочасовым и многокилометровым походам выходного дня, совершаемым вместе с папой, двумя плетёнными из красного ивняка корзинами, а также с двумя перочинными ножками — побольше и поменьше, — благодаря этим походам в песчаных, заросших соснами, окрестностях реки Ящеры, протекающей недалеко от города Луги, я и уяснила вполне твёрдо, что сыроежку собирать и жарить в сметане можно, но гриб это так себе, неблагоприятный, на безрыбье, так сказать, гриб. Кроме того, кажется, примерно тогда же папе удалось закрепить в моём сознании на солидных ремнях логики мысль о том, что никому нельзя выходить без складного перочинного ножичка, — потому что выйдешь из дома, а вдруг там гриб?

А ты без ножичка и к встрече не готов, вот печальное несоответствие! Правда, перочинный нож — это ещё одна тема для лирического отступления. Ножи-мульти-тулы грибники тоже заводят, но, кажется, тайно презируют, считая их селективно и бессмысленно выведенной породой декоративных предметов, ценных за экстерьер более, чем за сущностное содержание. То ли дело — старинный, складной, выдавший виды и экзотические страны советский ножичек с бакелитовой переливающейся ручкой, а в ней с двух сторон торчат глазки гвоздиков, вокруг которых пространство потемнело и покрылось дополнительной патиной приключений.

Плох также тот грибник, у которого нет капюшона на куртке и резиновых сапог, надетых на толстые шерстяные носки, — плачевна может быть его участь, когда он сначала промочит и застудит ноги, а потом будет атакован клещами и комарами. Или наоборот.

...Накануне нового грибного сезона, изрядно изумившись «их нравам», я прочла книжку Лонг Литт Вун, изданную Ad Marginet «Путь через лес. О грибах и скорби», описывающую опыт преодоления горя и одновременно погружения в культуру микофилов в Норвегии. Занимательность этого крупного очерка, вполне укладывающегося в столь модную ещё недавно концепцию «литературы травмы», строится, с одной стороны, на зверино-серьёзном, научном подходе к делу сбора грибов, а с другой — на том, что чувствуется ирония автора, погружившегося с энтузиазмом неопита в причудливый мир «компетентных грибников», маниакально скрывающих друг от друга грибные места, сдающих экзамен на определение 150 видов

грибов и меняющихся невообразимыми рецептами грибных десертов. Лонг Литт Вун азартно сплетничает о культуре сбора грибов в цивилизованной европейской стране и приводит интересную этнологическую черту: в Норвегии сбор грибов — это почти аристократическое, интеллектуальное занятие, не так давно возникшее в культуре страны, и чем ниже социальный статус человека, тем меньше в нём доверия к грибам и интеллектуальной потенции.

Эта странная инопланетная оптика напомнила мне историю о грибах, многократно и красочно рассказанную моей бабушкой, оказавшейся в годы ВОВ в немецкой оккупации, но всегда вспоминавшей об этом периоде своей жизни в духе еврейских анекдотов. Что было тому причиной — её боевитость, отсутствие жестокости в характере у конкретных людей в немецкой форме или желание, пройдя сквозь земное чистилище, хранить в памяти только светлое или смешное, нам уже не узнать, бабушка отправилась в лучший, чем этот, мир, а вот её байки остались.

Итак, ранняя осень 1941 года, немецкая армия подошла к Ленинграду, одно из небольших подразделений заняло деревеньку Караулку, установив там свои немецкие порядки: все взрослые жители должны были ходить на работы, обслуживая ветку железной дороги, а не шататься по лесам, сколачивая партизанские отряды. Повсюду были расставлены посты, патрули контролировали все передвижения вокруг деревеньки. Но разве возможно запретить русскому человеку собирать грибы? И вот немецкий патруль на опушке леса натывается на компанию девушек с корзинками, останавливает их и требует предъявить содержимое корзины. Тут кровь, конечно, холодеет от воображения будущих ужасов, а немец, приговаривая: «Nicht gut! Nicht gut!», начал выбрасывать из ивняковой корзинки крепкие боровики с шоколадными шляпками, нарядные красные подосиновики и подберёзовики, и только обнаружив немного кудрявых оранжевых лисичек, авторитетно и сыто промочал: «Gu-u-ut!» — оказывается, в Германии собирают и едят только эти смешные тшедушные грибочки, а наши «породистые» считают несъедобными. Был ли известен этот факт моей бабушке, а тогда совсем юной и очень вспыльчивой девице, не так важно, потому что в этот момент, она, утратив над собой всякий контроль, с видом валькирии кинулась собирать раскиданные по насыпи грибы, грозя немцу девичьим кулачком и громко возмущаясь: «Я тебе покажу нихт гут! Сам ты нихт гут! Фашист!»

Говорили потом, что её отец, прибывший из деревни как-то выручать девиц, наблюдая эту сцену, поседел в один момент. Но никаких репрессий почему-то не последовало, — может, проступок не посчитали серьёзным, а может, решили не связываться с девчонками, которые корзинами едят ядовитые грибы и не боятся спорить с вооружённым конвоем о свойствах лисичек.

Алиса Тацки

ЮРИЙ КОВАЛЬ
Картофельная собака

«Лето кончилось. Мне надо было возвращаться в Москву, а Тузику — на картофельный склад.

В последний день августа на прощание пошли мы в лес. Я собирал чернушки, которых высypало в тот год очень много. Тузик угрюмо брёл следом.

Чтоб немного развеселить пса, я кидался в него лопухими чернушками, да что-то всё мазал, и веселья не получалось. Тогда я спрятался в засаду, но Ту-

Рисунок Ольги Говоровой (Гриб)

зик быстро разыскал меня, подошёл и прилёг рядом. Играть ему не хотелось.

Я всё-таки зарычал на него, схватил за уши. Через секунду мы уже катались по траве. Тузик страшно разевал пасть, а я нахлобучил ему на голову корзинку вместе с грибами. Тузик скинул корзинку и так стал её терзать, что чернушки залипали.

Под вечер приехал Аким Ильич. Мы наварили молодой картошки, поставили самовар. На соседних дачах слышались торопливые голоса, там тоже готовились к отъезду: увязывали узлы, обрывали яблоки.

— Хороший год, — говорил Аким Ильич. — Урожайный. Яблоков много, грибов, картошки.

По дачному шоссе пошли мы на станцию и долго ожидали электричку. На платформе было полно народу, повсюду стояли узлы и чемоданы, корзины с яблоками и с грибами, чуть ли не у каждого в руке был осенний букет.

Прошёл товарный поезд в шестьдесят вагонов. У станции электровоз взревел, и Тузик разъярился. Он свирепо кидался на пролетающие вагоны, желая

нагнать на них страху. Вагоны равнодушно мчались дальше. — Ну, чего ты расстроился? — говорил мне Аким Ильич. — В твоей жизни будет ещё много собак.

Подошла электричка, забитая дачниками и вещами.

— И так яблоку негде упасть, — закричали на нас в тамбуре, — а эти с собакой! — Не волнуйся, земляк! — кричал в ответ Аким Ильич. — Было б яблоко, а куда упасть, мы устроим.

Из вагона доносилась песня, там пели хором, играли на гитаре. Раззадорен-

Нога Кольчугина дёрнулась от удовольствия.

Стрела описала параболу. Таня бежит через кусты, вытирает мокрое лицо рукавом, откидывает волосы, бежит, бежит моя девочка. Так бежит, что мне становится горько оттого, что она так не убежала от меня в ту пору.

Опять Андрей бежит, ветки его секут. Выбегает на полянку, смотрит направо, налево, лицо растерянное.

Теперь Таня медленно идёт по лесу, отводит рукой папоротники. По-детски изумляется — нашла гриб, великолепный боровик. Ой, ещё гриб! Ещё! Ещё! (Грибы натыканы ассистентами пять минут назад.)

Теперь Андрей увидел, что она собирает грибы. Лицо его светлеет, любит он её, Таню, то есть Лену. Теперь они вместе собирают грибы, ползают по траве, как дети, смеются. Он погладил её по щеке. Целуются. Андрей обнимает Таню за плечи, они склоняются к траве. — Стоп! — крикнул Павлик после третьего дубля, снял берет и торжественно махнул Кольчугину. — Ваше слово, геносес Кольчугин! Прошу вас — соло на „митчеле“!

— Внимание! — заорал Кольчугин. — Артистов прошу оставаться на месте! — Танечка замёрзла! — пискнула костюмерша.

— Молчать! Мы тут не в игрушки играем! Артисты — на место! Сжимай её в объятьях! Внимание! Мо-о-тор!»

Цит. по: Аксёнов В. П. Пора, мой друг, пора. М. : Молодая гвардия, 1965. С. 44—45.

ЧТО ПИШУТ

Переделкинские литераторы рассказывают, над чем сейчас ведут работу

Анастасия Древаль:
писательница, резидент Дома творчества Переделкино, Москва

Пару дней назад я дописала черновик романа про бывшую профессиональную теннисистку, которая после продолжительной депрессии решает взять жизнь в свои руки. Пока рукопись читают коллеги и друзья, а мой глаз от неё отдыхает, я работаю над небольшим рассказом «Момент». Он о «маленьких людях» киноиндустрии, съёмочном процессе, дедовщине, вечно уязвлённом самолюбии и моментах, когда кажется, что всё это того стоило.

Ася Володина:
писательница, резидент Дома творчества Переделкино, Москва

Я работаю параллельно над тремя текстами: инсценировкой романа «Протагонист» для постановки в театре Пушкина, рассказом для тематического сборника моего издательства и романом, который неспешно близится к завершению. Роман я начала в переделкинской резиденции под рабочим названием «Марианна» и подозреваю, что под ним же он и закончится. Жанр однозначно не определяю, но ближе всего будет роман воспитания, с одним уточнением: роман телевизионного воспитания.

Грибное и остальное

Грибы — самое загадочное царство живой природы, поскольку объединяют в себе некоторые признаки растений и животных — издавна привлекают пишущих людей, выступая идеальной мифогенной средой и универсальной метафорой. Гриб — это и ризома французских постструктуралистов, сопротивляющаяся линейным структурам, и элементарная частица, способная в процессе ферментации и/или латуровского «перевода» из одной системы в другую, видоизменять привычные вещи. Последнее время выходит довольно много «грибных» книг, видное место среди которых занимают работы отечественного популяризатора микологии Михаила Вишневского. О других, возможно менее заметных, изданиях рассказывает обозреватель «Перерыва» Михаил Курабье.

Анна Лёвенхаупт Цзин

Анна Лёвенхаупт Цзин
Гриб на краю света

Гриб на краю света

О возможности

Жизни на руинах

капитализма

АННА ЛЕВЕНХАУПТ ЦЗИН.
«Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма»

Увлекательное исследование товарных цепочек и сообществ собирателей, образовавшихся по всему миру вокруг гриба мацутакэ, известного в России под названием рядовка. Этот гриб, согласно непроверенным слухам, стал первой формой жизни, возродившейся после аварии на Фукусиме, и вообще обычно размножается в ландшафтах, повреждённых человеком. Для американского антрополога китайского происхождения мацутакэ становится идеальным материалом для рассказа о межвидовом сотрудничестве, создающем новые типы существования после неизбежного разрушения, которое капитализм приносит в самые дальние уголки всё более взаимосвязанного мира.

ЛОНГ ЛИТТ ВУН.
«Путь через лес. О грибах и скорби»
Ещё одно антропологическое исследование, в центре которого скорее находятся сообщества грибников,

чем сами эукариотические организмы. Уроженка Малайзии, внезапно потерявшая мужа и оказавшаяся в чужой для себя стране и культуре, использует работу, связанную с изучением практик собирателей съедобных грибов в Норвегии, для самоисцеления и преодоления скорби. Наполовину автофикшен, наполовину полное погружение в среду норвежских грибников, книга представляет собой необязательную прогулку по лесам, смутно напоминающим родные осины. Бонусом идут рецепты, так как интересуют Литт Вун и её собратьев по корзине прежде всего грибы съедобные.

ПЕЛЛЕГРИНО АРТУЗИ.
«Наука приготовления и искусство поглощения пищи»

Кстати, о рецептах. Некоторые кулинарные книги могут посоревноваться с художественной литературой высшей пробы. К таким относится «Война и мир» гастрономической культуры, библия шеф-поваров траптарий и остерий, книга, выпланившая для итальянской кухни ту же функцию, что и словарь Владимира Даля для русского языка, — труд Пеллегриньо Артузи, бывшего банкира, поэта и страстного гурмана. Изданная впервые более ста лет назад за собственный счёт, «Наука» уделяет должное внимание и интересующему нас предмету, например в формате супа из мухоморов: «В грибной сезон вы можете приготовить этот суп даже к званому обеду и не оскандалитесь». Под мухоморами имеются в виду так называемые цезарские грибы.

СИМОН ТРУХИЛЬО.
«Обширная территория»
Впрочем, грибы не только дарят удовольствие и успокоение, но и могут по-настоящему пугать. Как в экологическом триллере молодого чилийского писателя, где фунги-сапенс становится чуть ли не главной сюжетной линией. Лесоруба Педро Марамбио, вынужденного биться за выживание в Куриилауэ, на плантации эвкалипта, под которой вырубают девственные леса, заражает таинственный смертельный грибок кордицепс. Точнее, сначала он заражает лес, а затем и людей, его вырубающих. В итоге Педро сам становится грибом, почти как Ленин у Курёхина, и возглавляет секту, желающих изменить мир к лучшему. Кончается всё плохо.

МЕРЛИН ШЕЛДРЕЙК.
«Запутанная жизнь. Как грибы меняют мир, наше сознание и наше будущее»

Тому, как грибы уже меняют мир и не только в художественной литературе, посвящена книга британского специалиста по микоризным сетям тропических лесов Панама, успевшего до защиты диссертации по микологии прослушать курсы философии в Кембридже. Этот опыт учёному пригодился: хитросплетения грибниц, их взаимосвязь с межвидовой коммуникацией, лежащей в основе экосистемы, позволяют создать молодому автору (а эта книга — его дебют) собственное полотно, в котором вопросы без ответа и загадки природы сменяют друг друга со скоростью, с которой мицелий распространяется по подземной ризоме. Но в конце концов всё тайное становится явным, ведь, как выясняется, даже светящиеся грибы умеют перемигиваться.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН.
«Третья охота»

Давно подмечено, что развитой социализм, отдалившись во времени, стал с годами настоящей колыбелью хипстеризма. Вальжный Брежнев в рейбанах, застиранные олимпийки, свитера с высоким горлом, кеды «Два мяча» вдохновляют всё новые поколения чилловых ребят. Ещё одной актуальной и заново открытой практикой на глазах становятся прогулки по лесу или сеансы лесотерапии. Первопроходцем подобного образа жизни был писатель-деревенщик уроженец Владимирской области Владимир Солоухин. С обнаружения в загородном парке Владимира гигантского белого гриба и начинается его очерк 1967 года, где сбор грибов противопоставлен охоте и рыбалке. Именно Солоухин придумывает выражение «тихая охота», которое сегодня кажется настолько устоявшимся, как будто существовало всегда.

МАРГАРИТА АЛИГЕР
Грибы

Лес расписан скупой позолотой, весела и бесстрашна душа, увлечённая странной заботой, существующая не спеша.

Синева меж берёзами брезжит, и тропинка бежит далеко...
Набирай хоть ведро сыроежек!
Не хочу, это слишком легко.

Лучше пусть ошибусь я с отвычки, прошлогодний завидя листок.
Лучше пусть я приму за лисички золотого цветка лепесток.

Не боюсь я такой незадачи.
Он всё ближе, решительный час.
Никакие уловки не спрячут
От моих безошибочных глаз

тех чудесных, заветных, желанных, тех единственных, лучших, моих...
В немудрёных и милых обманах превращений чудесных лесных

я хмелею от счастья, как будто над мучительно-трудной строкой...
И тогда наступает минута, тишиной оглушает такой,

будто нет ни обид, ни сомнений, все загадки земли решены...
И тогда, преклонивши колени на пороге лесной тишины,

ощутив, как щемяще и ново, как доверчиво хочется жить, белый гриб, как последнее слово, задыхаясь от счастья, открыть.

1946
Печ. по: Алигер М. И. Собр. соч. : в 3 т. / [Предисл. Е. Сидорова]. М. : Худ. лит., 1985. Т. 2: Стихотворения, 1945–1980. С. 26.

ПИСЬМО ЭЛЬЗЫ ТРИОЛЕ ЛИЛЕ БРИК

30-31 августа 1960 г.
«Васина грибная опера увлекает и меня¹. Только не надо и её из маринада в рассол! Велите Робикку трудиться — лучше всего бы вернуться в Москву, никому не сказавшись, вот когда работается! По опыту — самые плодотворные трудовые дни — это воскресенье, в Париже, когда все думают, что вас нет, домработница не приходит, целый день ходишь в ночной рубашке и обедаешь когда попало. Потрясена твоей трёхчасовой прогулкой! Правда, ты останавливалась перед каждым грибом, а их было много — но всё-таки. Вот что значит — увлечение! У нас здесь, несмотря на непрерывные дожди, одни сомнительные сыроежки — но третьего дня сын Helene принёс целую кучу белых, которые появились просто вдоль дороги. Люблю грибы, нет вкуснее!»

1 В. А. Катанян — автор либретто оперы «Не только любовь» по мотивам рассказов С. П. Антонова, музыка Р. К. Щедрина. Премьера состоялась в Новосибирском театре оперы и балета 5 ноября 1961 года.

Цит. по: Лиля Брик — Эльза Триоле: Неизданная переписка (1921–1970) / [сост., вступ. ст. В. В. Катаняна]. М. : Эллис Лак, 2000. С. 304–307.

10 мая
Жена попросила помочь в посадке грибов. Я чертыхаюсь, отнекиваюсь. Она говорит: мол, грибы полезны — укрепляют иммунитет, снижают кровяное давление, и ля-ля-ля, и сю-сю-сю. Копаю, чёрт бы побрал её и эти эукариоты. «Высадил» просверлённые и начинённые семенами поленья у забора: пусть позлится Шабёр-сосед — вечно у него то «болгарка» вопит, то пила верещит! Вообще, этот забор я называю нашей спорщадкой: мы здесь часто спорим и даже скандалим, что уж скрывать.

18 мая
Хожу возле пеньков. Представляю, как там уютно и тепло грибам, как у них расправляются корешки. Общаемся. Грибы не спрашивают, почему я такой злой. Растут себе и принимают меня таким, какой я есть. А люди... люди всегда ждут чего-то.

1 июня
Создал грибам полутень из лёгкого плетня... Сам сплёл.

7 июня
Проверяю кислотность грунта, им необходимо — 5,5–6,5 рН... Земля пахнет дождём и чем-то древним.

10 июня
Обеспечиваю влажность и воздухопроницаемость почвы. Поглядываю на соседа. Завидую, конечно. Говорят, у него пенсия пятьдесят тыщ — поди, плохо... Завидовать плохо. Грибы не завидуют, потому что они — одно целое.

15 июня
Кстати, чувствую себя гораздо лучше, давление понизилось, и перестали мучить головные боли.

30 июня
Это невероятно — проклюнулись первые грибы, они так прекрасны, что душу щемит. Дал им имена... Видимо, старость не за горами. Вёшенка Ивановна и Шампиньон Карлович. Грибница связывает всех в единое целое, а мы, люди, только и делаем, что рвём эти нити.

1 июля
Долго смотрел на Карлыча, и он как бы сказал мне: «Досадно, что в подоплёке большей части земного заложено всего лишь сексуальное влечение».

5 июля
Что мне делать? Ну почему всё так... Шампиньон Карлович поник. Его шляпка, ещё вчера такая упругая, сегодня обвисла... То-то у него в голосе столько грусти вчера прозвучало. Если они умрут, я останусь один. По-настоящему один.

5 июля (вечер)
Что делать, если я очень сильно люблю свои грибы? Ну очень сильно... Я не могу сопротивляться этой любви... Как вы могли так забрать моё сердце?!

Грибы любви

(Ю М О Р Е С К А)

7 июля
Появился сосед и стал орать, что я хожу под забором и подглядываю за его женой. Обычно я тут же покрываю его разными сильными словами и такими же — уродливую соседскую жену. Но промолчал, как губы онемели. А сосед так разошёлся, что аж забор пнул — я только присел и прикрыл Вёшенку Ивановну ладонями. Потом посмотрел в щёлку и увидел в соседях что-то другое... Неожиданно извинился, посетовал через щёлку, что мы, люди, не можем жить в мире, что мы не связаны в грибницу и не чувствуем боль другого человека как свою. А у меня вот Шампиньон Карлович умирает.

9 июля
Жена купила лекарства. Лечу Карлыча. Снова смотрел в щёлку и вдруг увидел «грибницу» в соседях — сияющие нити, связывающие всех... Или это паутинка пролетела? Но ведь жена и соседка разговорились недавно и даже смеялись обща. И у меня головные боли прошли. Это, может, даже не из-за грибов — просто ты перестал злиться. Подошёл сосед, открыл рот и... сказал: «Прости меня!» Далее по намеркам его я понял, что и сосед заинтересовался грибами. Мы поделились с ним семенами и особыми секретами по высадке. Зовут его, конечно, не Шабёр. У него прекрасное имя — Геннадий.

10 июля
Шампиньон Карлович сказал мне, видимо из благодарности, что у него настолько разветвлённая грибница, что он может поговорить со своим собратом во Франции, а тот передаст привет моей парижской тётушке. А Вёшенка Ивановна добавила, что у них — грибница счастья, а у людей — круговорот нелюбостей.

15 августа
Геннадий чахнет, жена кое-как крепится.

22 августа
Генка совсем посинел. Горевали у забора все вместе, жена его протянула нам заплесневевший хлеб, съели его с удовольствием. Плесень таяла на языке, как ваниль. Было немножко грустно. Я нашарил в кармане кусочек сахара — вообще пиршество для всех. А перед сном обнял жену и сказал: «Славочка, если я забуду твоё имя — ты знай, я тебя всё равно очень сильно, теперь ещё сильнее, чем прежде, люблю. И я с тобой, и с вами — не один».

23 августа
Ожил Генка, слава богу. Ну как не ожить, когда вокруг мы!

31 августа
Прадедушкины часы остановились.

1 сентября
Не спал ночью. Стал слышать шёпот соседей через стены и расстояния. Они говорили о том, какие мы хорошие, родные и очень полезные и что у соседки тоже палец ныл, когда моя жена на кухне порезалась. «Эй, привет тётушке». — А это, я так понимаю, Карлыч пришёл поговорить. Но я вдруг вспомнил: у меня нет тётушки в Париже. Значит, это... это чья-то ещё память... Или всех сразу?

10 сентября
Сегодня я... свет... нити... жена... тоже... вкусно... не ... аемся...

Фарит Нагимов
Что пишат

24 июля
После обеда прошёл мелкий, как процеженный, дождик. Почувствовал тягу к земле, полежал рядом с грибами, понюхал их. Какой родной запах, ну просто кровный какой-то!

24 июля (вечер)
После дождя вдруг осознал: мои руки впитывают воду, как губка.

29 июля
Посидел у забора рядом с соседом. Говорили. Голоса наши звучали глухо, будто из-под земли. Вообще, соседи стали тише и как-то медленнее.

11 августа
Часа три сидели у забора, словно приросли. Так было хорошо, свежо, умильно до слёз. Сосед шептал что-то, и его слова прорастали во мне, как гифы грибницы. Потом мы одновременно чихнули и засмеялись — мягко и бархатисто так.

12 августа
К соседям нагрянул сын и ещё какие-то спецназовцы и врачи — рыли, травили, корчевали. Уехали.

Пришвин М. М. на охоте с собакой. 1934. © КГБНУК «ХКМ им. Н. И. Гродекова». Инв. номер: 57063460. Номер по КП (ГИК): ХКМ КП 10150/76.

«I

Была у нас революция тысяча девятьсот пятого года. Тогда мой друг был в расцвете молодых сил и сражался на баррикадах на Пресне. Незнакомые люди, встречаясь с ним, называли его братом. — Скажи, брат, — спросят его, — где... Назовут улицу, и „брат“ ответит, где эта улица. Пришла Первая мировая война тысяча девятьсот четырнадцатого года, и, слышу, ему говорят: — Отец, скажи...

Стали не братом звать, а отцом. Пришла последняя большая революция. У моего друга в бороде и на голове показались белые, серебряные волосы. Те, кто его знал до революции, встречались теперь, смотрели на бело-серебряные волосы и говорили: — Ты что же, отец, стал мукой торговать? — Нет, — отвечал он, — серебром. Но дело не в этом. Его настоящее дело было — служить обществу, и ещё он был врач и лечил людей, и ещё он был очень добрый человек и всем, кто к нему обращался за советом, во всём помогал. И так, работая с утра и до поздней ночи, он прожил лет пятнадцать при советской власти. Слышу, однажды на улице кто-то его останавливает. — Дедушка, а дедушка, скажи... И стал мой друг, прежний мальчик, с кем мы в старинной гимназии на одной скамейке сидели, дедушкой.

Так всё время проходит, просто летит время, оглянуться не успеешь... Ну хорошо, я продолжаю о друге. Белеет и белеет наш дедушка, и так наступает, наконец, день великого праздника нашей победы над немцами. И дедушка, получив почётный пригласительный билет на Красную площадь, идёт под зонтиком и дождя не боится. Так проходим мы к площади Свердлова и видим там за цепью милиционеров вокруг всей площади войска — молодец к молодцу. Сырость вокруг от дождя, а глянешь на них, как они стоят, и сдела-

ется, будто погода стоит очень хорошая.

Стали мы предъявлять свои пропуска, и тут, откуда ни возьмись, мальчишка какой-то, озорник, наверно, задумал как-нибудь на парад прошмыгнуть. Увидел этот озорник моего старого друга под зонтиком и говорит ему: — А ты зачем идёшь, старый гриб? Обидно мне стало, признаюсь, очень я тут рассердился и цап этого мальчишку за шиворот. Он же вырвался, прыгнул, как заяц, на прыжке оглянулся и удрал.

II

Парад на Красной площади вытеснил на время из моей памяти и мальчишку и „старый гриб“. Но когда я пришёл домой и прилёг отдохнуть, „старый гриб“ мне опять вспомнился. И я так сказал невидимому озорнику:

— Чем же молодой-то гриб лучше старого? Молодой просится на сковородку, а старый сеет споры будущего и живёт для других, новых грибов.

И вспомнилась мне одна сыроежка в лесу, где я постоянно грибы собираю. Было это под осень, когда берёзки и осинки начинают сыпать на молодые ёлочки вниз золотые и красные пятачки.

День был тёплый и даже паркий, когда грибы лезут из влажной, тёплой земли. В такой день, бывает, ты всё дочиستا выберешь, а вскоре за тобой пойдёт другой грибник и тут же, с того самого места, опять собирает, ты берёшь, а грибы всё лезут и лезут.

Вот такой и был теперь грибной, паркий день. Но в этот раз мне с грибами не везло. Набрал я себе в корзину всякую дрянь: сыроежки, красно-головики, подберёзники, — а белых грибов нашлось только два. Будь бы боровики, настоящие грибы, стал бы я, старый человек, наклоняться за чёрным грибом! Но что делать, по нужде поклонисься и сыроежке.

Очень парко было, и от поклонов моих загорелось у меня всё внутри и до смерти пить захотелось. Но не идти же в такой день домой с одними чёрными грибами! Времени было впереди довольно поискать белых.

Бывают ручейки в наших лесах, от ручейков расходятся лапки, от лапок мочезинки или просто даже потные места. До того мне пить хотелось, что, пожалуй бы, даже и мокрой землицы попробовал. Но ручей был очень далеко, а дождевая туча ещё дальше: до ручья ноги не доведут, до тучи не хватит рук.

И слышу я, где-то за частым ельничком серенькая птичка пищит:

„Пить, пить!“ Это, бывает, перед дождиком серенькая птичка — дождевик — пить просит: „Пить, пить!“

— Дурочка, — сказал я, — так вот тебя тучка-то и послушается!

Поглядел на небо, и где тут дождаётся дождя: чистое небо над нами и от земли пар, как в бане.

Что тут делать, как быть? А птичка тоже по-своему всё пищит: „Пить, пить!“

Усмехнулся я тут сам себе, что

вот какой я старый человек, столько жил, столько видел всего на свете, столько узнал, а тут просто птичка, и у нас с ней одно желание.

— Дай-ка, — сказал я себе, — погляжу на товарища.

Продвинулся я осторожно, бесшумно в частом ельнике, приподнял одну веточку: ну, вот и здравствуйте!

Через это лесное оконце мне открылась поляна в лесу, посередине её две берёзы, под берёзами — пенё и рядом с ним в зелёном брусничнике красная сыроежка, такая огромная, каких в жизни своей я ещё никогда не видел. Она была такая старая, что края её, как это бывает только у сыроежек, завернулись вверх.

И от этого вся сыроежка была в точности как большая глубокая тарелка, притом наполненная водой. Повеселело у меня на душе.

Вдруг вижу: слетает с берёзы серая птичка, садится на край сыроежки и носиком — тюк! — в воду. И головку вверх, чтобы капля в горло прошла.

„Пить, пить!“ — пищит ей другая птичка с берёзы.

Листик там был на воде в тарелке — маленький, сухой, жёлтый. Вот птичка клюнет, вода дрогнет, и листик загуляет. А я-то из оконца вижу всё и радуюсь и не спешу: много ли птичке надо, пусть себе напьётся, нам хватит!

Одна напилась, полетела на берёзу. Другая спустилась и тоже села на край сыроежки. И та, что напилась, сверху ей: „Пить, пить!“

Вышел я из ельника так тихо, что птички не очень меня испугались, а только перелетели с одной берёзы на другую.

Но пищать они стали не спокойно, как раньше, а с тревогой, и я их так понимал, что одна спрашивала: „Выпьет?“

Другая отвечала: „Не выпьет!“

Я так понимал, что они обо мне говорили и о тарелке с лесной водой: одна загадывала — „выпьет“, другая спорила — „не выпьет“. — Выпью, выпью! — сказал я им вслух.

Они ещё чаще запищали своё: „Выпьет-выпьет“.

Но не так-то легко было мне выпить эту тарелку лесной воды.

Конечно, можно бы очень просто сделать, как делают все, кто не понимает лесной жизни и в лес приходит, только чтобы себе взять чего-нибудь. Такой своим грибным ножиком осторожно подрезал бы сыроежку, поднял к себе, выпил бы воду, а ненужную ему шляпку от старого гриба шмякнул бы тут же о дерево.

Удаль какая!

А по-моему, это просто неумно. Подумайте сами, как мог бы я это сделать, если из старого гриба на моих глазах напились две птички, и мало ли кто пил без меня, и вот я сам, умирая от жажды, сейчас напьюсь, а после меня опять дождик налёт, и опять все станут пить. А там дальше созреют в грибе семена — споры, ветер подхватит их, рассеет по лесу для будущего...

Видно, делать нечего. Покрахтел я, покрахтел, опустил на свои старые колени и лён на живот. По нужде, говоря, поклонился я сыроежке.

А птички-то! Птички играют своё: „Выпьет — не выпьет?“

— Нет уж, товарищи, — сказал я им, — теперь больше не спорьте: теперь я добрался и выпью.

Так это ладно пришлось, когда я лён на живот, то мои запёкшиеся губы сошлись как раз с холодными губами гриба. Но только бы хлебнуть, вижу перед собой: в золотом кораблике из берёзового листа на тонкой своей паутинке спускается в гибкое блюдце паучок. То ли он это поплавать захотел, то ли ему надо напиться.

— Сколько же вас тут, желающих! — сказал я ему. — Ну тебя...

И в один дух выпил всю лесную чашу до дна.

III

Возможно, я это от жалости к своему другу вспомнил о старом грибе и вам рассказал. Но рассказ о старом грибе — это только начало моего большого рассказа о лесе. Дальше будет о том, что случилось со мною, когда я напился живой воды. Это будут чудеса не как в сказке о живой воде и мёртвой, а настоящие, как они совершаются везде и всюду и во всякую минуту нашей жизни, но только часто мы, имея глаза, их не видим, имея уши — не слышим».

Цит. по: Пришвин М. М. Собр. соч. : в 8 т. / Редкол.: В. В. Кожинов и др. ; [ил. Ф. В. Домогацкого]. М. : Худ. лит., 1983. Т. 5: Произведения 1938—1953 годов / [коммент. В. В. Круглеевской, Л. П. Платоновой]. С. 288—292.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Из дневников

17 июля 1883 г.

«Вечером пошёл с детьми за грибами и остался с бабуринскими косями косить. Они пьяные. Мне хорошо было с ними».

28 июля 1883 г.

«Купались, ходили все за грибами. Большой обед. Не помню вечера. Всё праздно».

06 августа 1883 г.

«Лихорадочное состояние. И тревога, и заботы и о переводе, и о лошадях, и даже о прогулке за грибами».

19 августа 1883 г.

«Урусов, Бестужевы, Абамелик. Грибы, ходьба. Не помню».

21 августа 1883 г.

«Грибы и готовящееся нездоровье».

26 августа 1884 г.

«Ходил за грибами. <...> Жена не пошла за мной, и пошла, сама не зная куда, только не за мной, вся наша жизнь».

31 августа 1884 г.

«Ходил за грибами. Хорошо думалось: умереть?»

1 сентября 1884 г.

«Пошёл за грибами и целый день ходил. Рыжики — пахнут еловым молоком — нежные».

3 сентября 1884 г.

«Ходил за грибами. Тосковал. Шил. Читаю Michelet».

28 июля 1889 г.

«Ходил за грибами. Какая-то тихая радость».

30 июля 1889 г.

«Лёва сказал, на меня глядя: грибы, это та же охота».

09 августа 1889 г.

«Ходил за грибами и купаться и ничего не делал».

25 августа 1889 г.

«Ходил за грибами, встретил девочек. Очень радостно было».

30 августа 1894 г.

«Ходил за грибами и одну минуту увидел весь катехизис, всё учение, ясно связано, несомненное».

01 мая 1910 г.

«Я ищу блага; как же мне для достижения блага уйти от жизни? Я ищу грибов. Грибы только в лесу. Как же я для того, чтобы найти грибы, уйду из леса?»

Цит. по: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова; при уч. ред. ком. в составе: А. Е. Грузинского, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева [и др.]. М. : Худ. лит., 1928—1958 гг. Т. 49. С. 113, 115—118, 120; Т. 50. С. 114—115, 121, 127; Т. 52. С. 136; Т. 58. С. 43.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ
 Письмо К. Г. Паустовского В. В. Навашиной

<i>10 сентября 1936 г.</i>
«Валюш онок, родной мой, напуганный зверь, как хорошо, что ты прислала мне Левитана и письма. Третьего дня я послал тебе письмо, — не знаю — получила ли ты его. Толь-

Мудрёная схема

17 сентября 1932 года постановлением Президиума ЦИК СССР был основан Литературный институт имени А. М. Горького. Писательница Оксана Васякина вспоминает время, проведённое в стенах этого заведения.

Дом А. А. Яковлева. г. Москва. Работы по реставрации ограды. Переснимок из: Памятник архитектуры XVIII—XIX вв.: Бывший дом Яковлева (Герцена) в Москве. К отчёту о реставрации 1959 г. © ФГБУК «Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева». ГНИМА НФ-ОФ-1328/1357. Инв. номер: 56554921

Летом 2011-го, в 21 год я поступила в Литературный институт. До того я устраивала вечеринки электронной музыки, валандалась в эзотерических кругах и, очарованная современной поэзией, писала стихи. В Перми на поэтическом фестивале кто-то сказал мне, что в Сибири делать нечего, надо ехать в Москву, а чтобы было где жить, можно поступить в Лит. Мне в Сибири было нормально, правда, немного скучно. В центре я сделала распечатку своих стихов и заказным письмом отправила их в приёмную комиссию.

На вступительных испытаниях я была середнячком, в списках на бюджет — на третьем месте с конца. На экзамене с сочинением я просмотрела все предложенные темы, выбрала что-то вроде «Место поэта в современном мире». Для передачи

ко что Миша с Рувимом ушли в лес за грибами (дует северный холодный ветер, и рыбу ловить нельзя), я осталась один, кончая рассказ для „Пионера“ и топлю печи. Тресчит огонь, шумит в саду ветер, в кладовой топчется Матрёна Давыдовна — чудесная старушка — и жарит нам гигантские белые грибы… Но меня всё время отрывают, Любовь Андреевна принесла нам студень из свинины, Ан. Ив. — дрова и колун, телеграфистка — телеграмму из „Правды“ (просят рассказ — придётся его написать), Матрёна Давыдовна — червей и грибы, а сейчас пришёл „снохач“ со свёклой и солёными огурцами. <…>

Здесь хорошо — пустынно, немного печально и спокойно, но если бы не Миша и Рувим, то я сегодня же уехал бы в Москву. <…> Рассказ для „Пионера“ я завтра окончу и 12-го вышлю тебе. Ты прочти его, исправь, если что-нибудь не

понравится, и позвони Валентине, чтобы прислали курьера. Пусть перепечатают на машинке лишний экземпляр и вернут тебе. Рассказ для „Правды“ я тоже пришлю тебе и напишу, кому позвонить, чтобы за рассказом прислали. Живём мы очень дружно, а после приезда Рувима — весело. Рувец в восторге от Солотчи и наслаждается всем, — даже холодом и дождями (во время дождей — изумительный острый воздух, пахнет осенней листвой)».

Цит. по: Паустовский К. Г. Собр. соч. : в 9 т. / [Сост., подгот. текста и примеч. Л. Левицкого]. М. : Худ. лит., 1986. Т. 9: Письма, 1915—1968. С. 120—121.

своего видения мне не хватило слов, поэтому я написала короткий текст, а под ним нарисовала схему — в центре пересечения социального, политического и экономического полей стояла жирная точка, подписанная: ПОЭТ.

Спустя десять лет после выпуска я не испытываю ностальгии по институту. Я с мукой терплю рутину и не умею учиться: старослав натянули до тройки; по античке пятёрка только потому, что я помогала преподавательнице принимать экзамен, и я знаю наверняка, что его я бы не сдала ни с первого, ни с пятого раза; тройка по иностранной литературе — чистое везение, мне пришлось сдавать экзамен на своего преподавателе, экзаменатор спешил, посмотрел на мой жалкий вид и авансом поставил четыре: я обещала ему прийти и рассказать билет, этого я, конечно, делать не стала.

Я знаю тех, кто скучает по общежитию и с восторгом вспоминает, как в нерабочей духовке пекли шарлотку и как прятали от коменданта kota. Есть мнение, что общежитие — это что-то вроде школы жизни, но я убеждена, что общежитие — это вид садизма.

Три незнакомых друг другу человека вынуждены уживаться на двадцати метрах. Двухъярусная кровать скрипит, соседка с упорством отличницы жуёт свой обед, голоса в коридоре — всё это тревожило меня. Чтобы успокоиться, я из одного угла комнаты в другой передвигала столы и стулья, добывала хлипкие полки и холодильники — в общем, пыталась освоить пространство, которое было общим по определению. Этот факт становился очевиден, когда соседкины гости садились на мою кровать. Общага пытала меня запахами: на кухне стояла целая гора посуды с остатками еды, а обе мои соседки пользовались аэрозольными дезодорантами.

Вместе с тем мне неприятно думать, сколько неудобств доставляла соседкам я. Могла посреди ночи явиться пьяная, скинуть грязные ботинки у кровати и завалиться спать, мои гости громко ржали, я двигала столы и пыталась привить соседкам новые привычки: требовала заменить аэрозоль на шариковый или твёрдый дезодорант и психовала, когда кто-то вешал мокрое полотенце на дверцу шкафа с посудой. Я считала, что я умнее и амбициознее других, и в лицо смеялась соседкам, потому что первая была фанаткой фильмов Тарковского, а вторая непрестанно смотрела аниме и питалась чипсами. Полагаю, я была неприятной соседкой. Правда, я не знаю, бывают ли приятные. Где бы я ни жила, всегда находились соседи сверху, снизу, по лестничной клетке, которым я мешала жить, а они, в свою очередь, мне.

Моё вступительное сочинение с мудрёной схемой, в центре которой стоит ПОЭТ, наверное, до сих пор хранится в архиве Литинститута. Е. Ю. Сидоров, знакомясь с новыми участниками семинара, в числе которых была я, продемонстрировал моё сочинение классу и иронически отметил, что поставил vyšний балл, потому что ему было интересно, кто, поступаая в Литературный институт, чертит схемы. Я встала и сказала, что могу объяснить, что имела в виду, — он покачал головой: это всё испортит.

Сидоров не обращал внимания на посещаемость, только однажды, когда я явилась после двух месяцев отсутствия, сказал что-то вроде: «Васякина, не прогуливай». Многие мастера Литинститута давали своим ученикам, чтобы те набили руку, домашние задания и требовали раз в неделю приносить рассказы и стихотворения. Е. Ю. не учил писать и не принуждал ни к какой работе, раз в год я сдавала подборку, этого было достаточно. Писать не учил, но спустя десять лет, занимаясь письмом или преподаванием, в голове я кручу две фразы Е. Ю.

Первая. Вслух размышляя о ком-то из поэтов-шестидесятников, он встал и в тоне, близком приказному, сказал: «Поэт обязан быть напичкан чужими текстами».

Вторая. Е. Ю. флегматично листал подборку, когда глаз зацепился за какую-то строчку, он прочитал её вслух и хлопнул распечаткой по столу: «Нет ничего отвратительнее кокетства».

ЛЕТОМ ХОРОШО НА ДАЧЕ-
СВЕЛ ГРИБОК, ПРИЛЁТ В ГАМАК

Belova & Politov 2025

И ДУХОВНО СТАЛ БОГАЧЕ
СКУШАВ СОЧНЫЙ ПАСТЕРНАК...

БЫВАЕТ ВСЁ НА СВЕТЕ ХОРОШО

Рисунок Валеры Полиенко

6 сентября 2025 года исполняется 88 лет со дня рождения Геннадия Шпаликова. Широкая публика знает его как сценариста фильма «Я шагаю по Москве» и автора одноимённой песни. Но его наследие куда шире: это не только сценарии ко множеству кинокартин (в том числе не снятых), но и стихи, и единственная режиссёрская работа — фильм «Долгая счастливая жизнь». В последнее время интерес к Шпаликову растёт. Почему? «Перерыв» попробовал выяснить это, обратившись к экспертному мнению людей различных творческих профессий.

1. Каков вклад Геннадия Шпаликова в отечественную литературу (и шире — в искусство)?

Андрей Родионов

поэт

Геннадий Шпаликов вернул русской поэзии радость, потерянную ещё во времена Хармса. Но русская трагедия не даёт надолго выныривать из своих глубин, она утянула его на дно. И всё же немножко радости, нежности, любви ему удалось для нас добыть, можно сказать, ценой собственной судьбы.

Олег Нестеров

музыкант, исследователь

Прежде всего Шпаликов придумал новую Москву. Той Москвы, которую мы считаем отпелной, в принципе не существовало до Шпаликова: в жизни она была, в общем-то, серая и скучная, а в кино — помпезная. Не было такой Москвы, и Шпаликов её придумал — в фильме «Причал», который не был поставлен. Его должен был снимать Владимир Ки-

тайский — студент № 1 в группе у Михаила Ромма. Там же учились Тарковский, Шукшин и Митта, но он считался самым талантливым. После того как фильм закрыли, Китайский повесился. Шпаликов очень переживал.

Шпаликов артикулировал оттепель не через успехи в науке, градусостроительстве, моде или космических свершениях — он распахнул сердца людей. В своих фильмах он предложил относиться ко всему радостно, внимательно и быть счастливыми.

Александр Миндадзе

драматург, режиссёр

Его вклад — в том, что он был абсолютно свободный художник вне рамок, традиций и наработанных правил литературы, не поддающийся ни времени, ни цензуре. Он существовал в своём поэтическом мире самостоятельно — и был совершенно антидраматургичен, но в этом была своя вну-

тренняя драматургия, весьма ценная и объёмная. Это была наивная, иллюзорная, но очень сильно выраженная свобода человека, занимающегося искусством. Такой восход солнца после тьмы.

Максим Жуков

поэт, прозаик, журналист

В отличие от сценарного дела, где ему приписывают новаторство, в стихах он никаких открытий не сделал, но это и не требовалось. С профессиональной точки зрения его стихи вообще несовершенны: у них и строка может подгулять, и композиция где-то неправильно выстроена. В конце концов, часто это вообще тексты песен.

Но, несмотря на это, его стихи цепляют за душу — одновременно своей внутренней силой и своей слабостью. Мне кажется, лирика — это всегда проявление слабости. А в его стихах столько света! Люди тянутся к этому. Русская поэзия грешит мрачностью, да и любая поэзия по сути своей трагична. А он, даже имея такую трагическую судьбу, смог стать транслятором сложного и очень человеческого лирического состояния, которое способно попадать людям в душу и лить туда свет.

Максим Семеляк

журналист

Мне кажется, он поневоле стал аналогом современных ему западных практик: от французской новой волны до британского бита. В нём так или иначе отразились все безумные пьеро и блуждающие огоньки тогдашней эпохи, но с выправкой выпускника суворовского училища. Этот навык шагать по Москве на последнем дыхании хорошо отражён, например, в его иронических строчках: «Ах, Париж весенний! Как к тебе добраться?».

Марина Кудимова

поэт, прозаик, переводчик, культуролог

Шпаликов — гениальный сценарист с новым кинематографическим языком и абсолютно любительский поэт. Его [нынешний] культ и возник на фоне totally любительской поэзии нового формата. Сложнейшая рус-

ская поэзия XX века почти недоступна современному читателю.

Наталья Рябчикова

историк кино, соавтор–составитель книги «Долгая счастливая жизнь. Инструкция для начинающих»

Не могу сказать про литературу как таковую, но сценарии и стихи Шпаликова, на мой взгляд, ярче и понятнее многих отразили состояние души человека времён оттепели, под иронией скрывающее нежность, под весельем — подозрение, что оптимизм не продлится долго. «Пароход белый-беленький, / Дым над красной трубой. / Мы по палубе бегали — / Целовались с тобой» — это ностальгия не по прошлому, а по настоящему.

Митя Мозговой

театральный продюсер

Мне кажется, его вклад — в том, как он попал в своё время. И стал человеком-легендой: пусть не для широкой публики, но ведь ему и памятник есть, и спектакли ставятся — про него и по его сценариям. Например, «Я шагаю по Москве» — отличный моноспектакль питерского «Невидимого театра» Семёна Серзина. Мы привозили этот спектакль в Москву, и он для меня стал откровением: я пошёл читать, изучать, пересматривать фильмы, поехал в Перedelкино гулять у его дома... Так что меня к Шпаликову привёл театр.

Откуда к Шпаликову такой интерес? Во-первых, он правда очень талантливый. А во-вторых, к сожалению, довольно часто суперталантливые люди долго не живут: несчастье подпытывает гений. Шпаликов — человек с яркой, сложной, трагической судьбой, такие истории вызывают живой интерес у людей.

Надежда Кондакова

поэт, переводчик, драматург

Вклад Геннадия Шпаликова в отечественное искусство, на мой взгляд, убедительно выражает известная трёхфигурная скульптура у входа во ВГИК — Тарковский, Шукшин, Шпаликов. Выпускников института кинематографии, в том числе знаменитых и ушедших, великое множество, но эти трое — вне конкуренции.

2. Зачем читать Шпаликова сейчас?

Олег Нестеров

Свет нужен всегда, особенно сейчас. А Шпаликов — он как Александр Сергеевич Пушкин: такой же вечный. Его земная жизнь — всего лишь эпиграф к жизни после смерти. Пушкинские 37 лет — это ничтожно малый отрывок, хотя и бурный, полный приключений и невзгод. Но его вечная жизнь началась после, причём с задержкой. На излёте его жизни время разлбыло Шпаликова, оно наливалось всё больше ртутью или свинцом. На что Шпаликов любил говорить, что дело не в СССР, а в собственном несовершенстве.

Настоящая жизнь Шпаликова началась позже: к началу 2000-х он вдруг сделался предельно необходимым. По-

Максим Жуков

Зачем вообще читать стихи? Хорошие стихи помогают жить: сталкиваясь в жизни с какой-нибудь ситуацией — и вдруг вспоминаешь, как здорово об этом уже сказал поэт. А у Шпаликова стихи хорошие, недаром их всё переиздают и переиздают, его песни до сих пор популярны, к ним тянется народ. А значит, при всех несовершенствах, он состоявшийся поэт и полноправная часть русской литературы, которая нас переживёт. Потому что его строчки внушают оптимизм и помогают жить дальше.

Кино, к сожалению, стареет быстрее. Например, «Застава Ильича» уже воспринимается как ретро, а что будет через десять лет? Кинокартины теряют актуальность и становятся материалом для киноведов. Думаю, что сценарии Шпаликова не будут интересны так долго, как его стихи и песни.

Андрей Родионов

Читать Шпаликова — говорить со временем, с вечностью сейчас. Обратитесь к его стихам — и почувствуете нежность, храбрую нежность отчаянного.

Надежда Кондакова

Затем, чтобы понять, чем холодный постмодернизм (пришедший в нашу культуру постсоветского извода), равноудалённый от читателя и самого писателя, отличается от искусства искреннего, тёплого, близкого к человеку и спасительного для него.

Максим Семеляк

Вот собственно за это сочетание бравости и отчуждённости, оттепели и декаданса, местной свойскости и недостижимой печали.

Марина Кудимова

У Шпаликова можно учиться искренности: в пору «скриптового» мышления и выражения мыслей готовыми на любой случай фразами это подкупает.

Наталья Рябчикова

«Зачем» предполагает потребление, а Шпаликов точно не про это. Низачем, просто потому, что, как говорили в фильме его вгиковского однокашника Андрея Тарковского, «человеку нужен человек». Если в искусстве вам важно общение с другими людьми, знакомство с их опытом, с их взглядом на мир — читайте Шпаликова.

Митя Мозговой

Скажу честно: если бы у меня спросили совета, что почитать, вряд ли Шпаликов первым пришёл бы мне в голову. При этом каждый, кто всё-таки за него возьмётся, почти наверняка получит большое удовольствие. Зачем люди слушают пластинки, когда можно слушать МРЗ? Откуда в 2025 году вдруг мода на «Гражданскую оборону»? Вот и ко Шпаликовым так же. Он рассказывает очень трогательные истории, которые у старшего поколения определённо могут вызывать ностальгию, а у младшего — интерес и попытку понять свою страну.

Александр Миндадзе

Читать его можно просто так, удивляясь и наслаждаясь свежестью, которая сегодня ощущается как абсолютно автономный мир, замечательный и выразительный.

3. Какое ваше любимое произведение Шпаликова?

Максим Семеляк

«Долгая счастливая жизнь» как высшая точка его метода, безупречное и неразгаданное заклинание.

Максим Жуков

Первое, что я услышал из Шпаликова ещё в ранней юности, — это его стихи «никогда не возвращайся в прежние места». Я до сих пор всегда твержу эти строчки в трудную минуту. Это помогает! «По несчастью или к счастью, истина проста...» Для меня это, конечно, лучшая его вещь. Хотя у него много хорошего, шутливого — хотя сейчас его ирония уже хуже считывается. И «Я шагаю по Москве» — замечательный текст для песни.

Андрей Родионов

Не могу сказать о любимом, я каждый раз читаю и ишу сегодняшнее стихотворение. Пожалуй, назову это: «Давай сейчас его вернём, пока он площадь переходит».

Александр Миндадзе

Пожалуй, сценарий «Заставы Ильича»: это было очень свежее высказывание, ошеломительно новое, революционное, неожиданное. Рассказ о начале каких-то других времён, которые возникали в начале 60-х, о других героях, других людях. Подспудный мир человеческого сознания, который до этого находился в тумане, Шпаликов абсолютно естественным образом вскрывал и демонстрировал в своих сценариях — вне правил и установок, вопреки устоявшейся драматургии того времени. Это был абсолютнейший кислород, который неожиданно хлынул на нас.

Олег Нестеров

«Прыг-скок, обвалился потолок» — непоставленный сценарий Шпаликова. Один из его последних сценари-

ев, наряду с «Девочкой Надей», и он достаточно сурово автобиографичен, при этом чрезвычайно нежен. Это такой Шпаликов, от которого все отвернулись: друзей всё меньше, он невыносим в быту. Из дома Инна его выгнала, с дочерью тоже не пойми какие отношения. И вот он ходит на почту, пишет на телеграфных бланках стихи. А добрая редакторша из «Мосфильма» выносит ему листы писчей бумаги, чтобы он продолжал работать. Третья версия «Прыг-скок» выглядит вообще как детская аппликация: вся переклеенная, со стрелочками.

Это такая алкогольная шпаликовская цыганочка: как говорил Сергей Соловьёв, это был бы фильм о всех ужасах и прелестях пьянства. Он был заведомо обречён на непостановку, потому что — ну какая киностудия в Советском Союзе всерьёз возьмёт в производственный план такой фильм. При этом у картины одиннадцатилетняя героиня, которую он списывает со своей дочери Даши и которой посвящает едва ли не последнюю в жизни строчку: «Завещаю вам только дочку — / Больше нечего завещать».

Если бы Шпаликов снял эту картину (а он сам хотел её снимать и Инну Гуляя снимать в главной роли), у него появились бы сотни эпигонов. Сотни последователей взгромодились бы ему на плечи, и, в конце концов, про «Прыг-скок», может быть, все бы забыли. Но ничего этого не произошло. В общем, это самый пронзительный, но лично для меня самый главный Шпаликов. И написан он незадолго до смерти: он смотрит на нас уже оттуда, улыбается, иногда посмеивается и знает уже явно больше, чем каждый из нас.

Митя Мозговой

Наверное, стихотворение «Батум». Мне кажется, оно очень про Шпаликова: тут и вино, и одиночество, и вроде

бы счастье, и путешествие, и порт, и девушки с бусами, и любовь, а в конечном итоге он остаётся один. Это стихотворение-концентрат: оно короткое, но в нём столько ассоциаций, эмоций, чувств и переживаний. А если ещё посмотреть на него сквозь призму шпаликовской биографии... С одной стороны, в нём много лёгкости, а с другой — какой-то невероятный трагизм.

Марина Кудимова

Я всегда любила читать сценарии. У Шпаликова мне больше всего нравится «Долгая счастливая жизнь» и его студенческая работа «Человек умер», где Шпаликов с невообразимой точностью предсказал конец своего трагического пути.

Надежда Кондакова

Любимые мною произведения есть у Лермонтова, Бунина, у Чехова. Геннадий Шпаликов для меня стоит в несколько ином ряду. Но я его ценю и некоторые стихи, несомненно, помню наизусть.

Наталья Рябчикова

Нередко вспоминаю восьмистишие, посвящённое первой жене Шпаликова — сценаристке Наталье Рязанцевой, где как раз повторяется слово «любимая». Каждый раз думаю о том, что можно начать текст с банальности, пройти её насквозь и выйти по другую сторону — в этом для меня гениальность Шпаликова.

Любимая, все мостовые, все площади тебе принадлежат, все милиционеры постовые у ног твоих, любимая, лежат.

Они лежат цветами голубыми на городском, на тающем снегу. Любимая, я никакой любимой сказать об этом больше не могу.

Материал подготовила Анна Демчикова

Работа Валеры Полиенко

Нам целый мир чужбина, отечество — Николина Гора

Мы продолжаем рассказывать про творческие дачные посёлки. На этот раз речь пойдёт о легендарной Николиной Горе, отмечающей в сентябре своё столетие! Об истории, мифологии и современности посёлка пишет журналист, редактор и житель Николиной Горы Иван Сухий.

Нехорошее место

Ровно 100 лет назад, в сентябре 1925 года, трое инициативных интеллигентов — педагог Константин Львов, экономист Александр Чаинов и психолог Анатолий Смирнов — отправились из Звенигорода в сторону столицы пешком по левому берегу Москвы-реки, чтобы подобрать новое место для многострадального товарищества «Хуторок». Этому кооперативу, который позднее был переименован в РАНИС (работники науки и искусства), Моссовет сначала выделил землю для строительства посёлка, а потом отобрал её «для правительственных нужд», предложив самостоятельно подыскать замену.

Заночевав в крестьянском сарае, троица пеших путешественников на второй день вышла со стороны села Аксиньино к высящемуся за обширным болотом крутому холму, покрытому вековым сосновым бором. На Николиной горе — так назывался холм — к тому моменту уже 300 лет никто не жил. И место пользовалось недоброй славой у жителей окрестных деревень. Здесь проходил старый Звенигородский тракт, по которому когда-то везли свои товары купцы. Как гласит предание, их постоянно грабил обитавший в Чёрном овраге разбойник Чуркин. К началу XX века на Николиной горе из творений рук человеческих сохранились только остатки фундамента церкви Николы на Песку и погоста, которые прекратили своё существование «от литовского разорения» в 1623 году. Природа же вокруг была просто восхитительной! Старый бор на песке без подлеска с роскошными мхами, черничником, вереском, облием грибов и захватывающим панорамным видом на широкую пойму Москвы-реки с её высокого берега. Забравшись на самую высокую точку, троица кооператоров поняла, что место для посёлка найдено. В честь этого события была откупорена и наполюину выпита бутылка водки. Початую бутылку закопали «для потомков» на месте будущего участка А. Чаинова. Бутылка до сих пор не найдена.

Коммуна

Первые никологорцы были русскими интеллигентами начала XX века, детьми, реке — младшими братьями тех, кто послужил прототипами героев пьес А. П. Чехова. Инженер, два экономиста, адвокат, педагог, детский врач, писатель... От чеховских персонажей они, прошедшие сквозь войны и революционные потрясения, отличались целеустремлённостью в профессиональной деятельности и трудолюбием, включая способность и вкус к тяжёлому физическому труду и пре-

одолению трудностей. Они хотели в буквальном смысле слова своими руками построить новую жизнь для себя, своих семей, друзей и единомышленников.

Николина Гора, в отличие от большинства других подмосковных дачных посёлков, находилась на большом удалении от ближайших станций железной дороги, которые были (и сейчас находятся) от неё в 12–14 километрах на другом берегу Москвы-реки, через которую тогда не было мостов. Первые никологорцы ходили от станций Усово или Перхушино пешком с рюкзаками по три-четыре часа или нанимали подводы, затем переходили реку вброд или пере-

вые голодные годы. На участке Сергея Прокофьева, например, был курятник. Петуха звали Пётр Ильич. Он был любимцем композитора. Птицу с таким именем так и не решились отправить в суп, и он почил своей смертью. В посёлке в какой-то момент было пять коров, хотя крестьяне из соседнего Аксиньино охотно снабжали новых соседей парным молоком по утрам. Даже самые знаменитые дачники и их звёздные гости не чурались физического труда. Здесь можно было увидеть К. С. Станиславского с тачкой, помогающего певиде Антонине Неждановой ухаживать за цветочными клумбами (тачка, кстати, сохранилась по сей день). Или полярни-

Дача Липницких

правлялись на лодках местных крестьян. Но трудности не останавливали поселенцев. Если в самом начале у кооператива была проблема набрать необходимое минимальное число членов — 12, то после получения земли в Николиной Горе почти каждый, кто приезжал туда к друзьям или знакомым, изъявлял желание вступить в РАНИС. Такова была магия потрясающей природы этого места и сила притяжения складывающегося там комьюнити.

Душой и вдохновителем посёлка в первые пять лет был известный экономист, социолог, теоретик кооперативного движения, истинный «человек эпохи Возрождения» (писатель, сценарист, археолог...) Александр Чаинов. Его идею создания коммуны творческой интеллигенции поддерживали все ранние поселенцы. В коммуне была общая кухня, где готовили обеды на всех, кооперативные огороды, ферма. Многие держали птиц и скот на своих участках. Элементы натурального хозяйства сохранялись и после войны, особенно в пер-

званном «Палаццо Песталоцци» в честь знаменитого швейцарского педагога. Второе поколение жителей посёлка, чьё детство прошло в предвоенные годы, неизменно вспоминало о Николиной Горе как о потерянном рае.

Сообщество

Отбор желающих с годами постепенно становился всё более строгим. Предпочтение отдавалось единомышленникам из учёных, врачей, инженеров, талантливых и признанных деятелей искусства, которых хорошо знали участники никологорского сообщества. Оно росло слой за слоем, поколение за поколением. И результат впечатляет. Простой перечень выдающихся и великих людей, которые жили в Николиной Горе за 100 лет её истории, может занять несколько газетных полос. В посёлке в разные периоды до трети дачных участков принадлежали врачам. И каким врачам! Здесь жил цвет советской медицины. И эти врачи не только бесплатно помогали своим соседям по посёлку, но и безвозмездно лечили жителей всех окрестных сёл и деревень. Рассказывают о таком забавном случае. Одна пожилая дама из второго поколения жителей посёлка по каким-то семейным делам попала в Москве на приём к медицинскому начальнику. И видит у него на стенах портреты трёх светил: академиков Семашко, Вишневского и Бурденко. Каково же было удивление хозяина кабинета, когда оказалось, что она была хорошо лично знакома с каждым из «портретов», её дачными соседями. Никологорцы — как всенародно знаменитые, так и известные только людям своей профессии — не считали свой посёлок исключительно местом отдыха. По мере того как налаживался быт, они полностью переезжали сюда из Москвы, чтобы работать в окружении природы в тишине на чистом воздухе. Постоянно жил здесь последние годы своей жизни и писал музыку Сергей Прокофьев. Будущий нобелевский лауреат Пётр Капица, попавший в опалу у Сталина, проводил эксперименты в своей избе-лаборатории, оборудованной для которой прислал ему из Англии Резерфорд. В более близкие к нам 1980-е годы репетировал на даче и «обкатывал» на соседях свои новые концертные

Забравшись на самую высокую точку, троица кооператоров поняла, что место для посёлка найдено

тически неизменном виде существует по сей день. Никологорские дети проводили время вместе в детской группе под руководством опытных воспитателей, которые жили в специально выделенном для них домике, про-

граммы пианист Святослав Рихтер. Для творческих людей, которые всегда составляли в Николиной Горе большинство, работа и отдых на природе были неразделимы.

Тень Вышинского

Атмосфера посёлка РАНИС последних предвоенных лет неплохо передана в фильме Никиты Михалкова «Утомлённые солнцем», многие эпизоды которого сняты в родной для режиссёра Николиной Горе. Надо сказать, что печальный финал фильма едва ли не «списан с натуры». В 1937 году за многими известными никологорцами приехали «чёрные воронки», точь-в-точь как за главным героем фильма комдивом Котовым. Всего, по разным подсчётам, от репрессий пострадало до трети довоенных членов кооператива. Многие были расстреляны, а их дачи переданы другим людям. Часто новыми соседями становились близкие по духу работники науки и культуры. Но далеко не всегда. Поразительна история дачи № 14, которая первые пять лет с 1926 года принадлежала учёному и педагогу Гавриилу Гордону, вторые пять лет — старому большевику, бывшему соратнику Троцкого Леониду Серебрякову. А потом... стала госдачей, на которой поселился сталинский генпрокурор Вышинский после того, как оба предыдущих владельца были репрессированы не без его деятельного участия. Сейчас эта дача и участок разделены пополам и возвращены потомкам Гордона и Серебрякова. С наступлением оттепели во второй половине 50-х кооператив сделал всё возможное, чтобы всем жертвам репрессий и их потомкам были возвращены или компенсированы отобранные у них дачи. Про-

Типичная никологорская дача зимой

цесс был болезненным, но очень многие семьи вернулись и снова стали частью никологорского сообщества. В память о жертвах репрессий в центре посёлка установлен валун-памятник, на котором высечены их фамилии. Такой же список — на стене перед сценой на общественной веранде.

1941-й. Сибиряки

В начале войны, осенью 1941 года, фронт проходил почти по окоелице Николиной Горы. В соседних Палицах и Маслове были немцы, в Масловском лесу ходили разведгруппы обеих сторон. На опустевших дачах посёлка разместились красноармейцы: в чьём-то доме был штаб, в чьём-то — госпиталь... Однажды ранним утром в начале декабря несколько оставшихся на своих дачах жительниц проснулись от... громкого храпа. По всей длине главной улицы посёлка, проспекта Шмидта, лежали в белых масках летах бойцы сибирских дивизий. Вымотанные гигантским марш-броском, они легли спать прямо на землю. Проснувшись, они просили пить. Как вспоми-

нала Наталья Кравченко, женщины «цедили из колонки воду в старую чугунную ванну и, черпая ковшем и кастрюлей, наливали в подставленные каски». Кроме того, они кипятили воду в больших чанах, чтобы как-то согреть солдат. А через несколько дней началось контрнаступление под Москвой, и немецкие армии были отброшены от столицы. Многие мужчины-никологорцы ушли добровольцами на фронт в первые дни войны и большинство из них погибли. О них каждый год 9 мая вспоминают на традиционном митинге у памятника на братской могиле бойцов, погибших на Николиной Горе в 1941-м. Список погибших на войне никологорцев соседствует со списком репрессированных на общественной веранде.

Потерянный рай

Все те, кто вырос в Николиной Горе в послевоенные десятилетия, как и предыдущее поколение никологорцев, вспоминают свои детство и юность как самые счастливые годы. Жизнь постепенно становилась всё более устроенной и насыщенной разными приятными и полезными занятиями. Вспоминает сторожил Николиной Горы Борис Гуляев, чья юность пришлась на конец 1950-х — начало 1960-х: «Характерная черта тогдашней нашей жизни летом — это невероятная занятость с раннего утра до позднего вечера. <...> Совершенно не хватало времени». По-прежнему работали секции детской группы:

Кафе Дача в никологорском гараже постройки 1938 года

художественная, танцевальная, театральная. Опытные тренеры занимались с детьми и всеми желающими волейболом, футболом и, конечно, теннисом. В посёлке в разное время было от четырёх до семи теннисных кортов, из которых один был общественным, а остальные — на личных участках. Но попасть любители этого вида спорта могли на любой и совершенно бесплатно. На общественной веранде проходили концерты самого высокого уровня — пианистов Святослава Рихтера, Николая Петрова, альтиста Юрия Башмета и многих других выдающихся мастеров. Устраивались выставки художников. В 1970–1980-е годы дача Липницких стала Меккой для многих находившихся тогда в подполье будущих звёзд русского рока, которые играли как в этом доме, так и на общественной веранде. В 1980 году на ней впервые выступила группа «Аквариум». Тут была создана, репетировала и выступала группа «Звуки Му». Александр Липницкий, инициатор и главный участник этой «движухи», устраивал целые

Дача Прокофьева

рок-фестивали в свой день рождения, 8 июля, которые с успехом проходили почти ежегодно вплоть до трагической гибели Саши в 2021 году.

В послевоенное время в Николиной Горе появилось уже три новых поколения коренных жителей в дополнение к двум довоенным. Как точно сформулировала жительница посёлка, журналистка Мария Шубина, «Николина Гора устроена как большая родовитая семья с вековыми традициями». Здесь всегда очень придрчиво относились к «пришельцам», породнившимся с коренными жителями через браки или получившими участки с помощью «административного ресурса». До наступления рыночной эпохи в 1990-х это позволяло несмотря на все вынужденные компромиссы с властью сохранять в целостности комьюнити творческих свободомыслящих людей.

Рок-н-ролл мёртв, а мы ещё нет!

Золотой век Николиной Горы продолжался почти до конца 1980-х, пока проспект Шмидта был тупиковой улицей и не превратился в сквозную трассу. Пока не начали продаваться случайным людям приватизированные дачные участки. Пока оставались нетронутыми окружавшие посёлок леса. В 1990-е сотни гектаров прекрасного бора были правдами и неправдами выведены (попросту говоря, украдены) из лесного фонда и превратились в «элитные посёлки», окружившие РАНИС вместо леса. Посёлки, которые по площади многократно больше исторической Николиной Горы, норовят присвоить себе её имя. Ими же Николиной Горы стали портишь рейдеры, недоброжелатели, завистники и просто риелторы.

Рыночная стихия последних десятилетий, казалось бы, должна была размыть и уничтожить никологорское комьюнити. Вышедший к 80-летию посёлка сборник воспоминаний «Наша Николина Гора» (два увесистых тома) на добрую половину заполнен пронзительным плачем о потерянном рае. Но с тех пор прошло ещё два десятилетия. И выяснилось, что сообщество в посёлке вполне живо и не собирается умирать. По-прежнему всегда полны игровых спортивные

площадки. Работают детские группы, куда детей не только приводят с близлежащих дач, но и привозят из многих соседних посёлков. На общественной веранде по-прежнему проходит прекрасные концерты, а в галерее — выставки. Общие собрания кооператива РАНИС по накалу страстей напоми-

«Характерная черта тогдашней нашей жизни летом — это невероятная занятость с раннего утра до позднего вечера»

нают первые съезды народных депутатов при Горбачёве. Каждый август при массовом стечении жителей проходят проводы лета, гвоздь программы которых — традиционный итоговый спектакль-концерт и выставка рисунков детских студий. Это важнейший «институт» сообщества, как и сами детские группы. Совместные занятия детей под руководством педагогов и тренеров и, как результат, формирование в каждом поколении 2–3 «компаний» по возрастам — способствуют передаче традиций и ценностей никологорского комьюнити. В нынешнем, 2025 году детский праздник стал кульминацией юбилейного года посёлка. Более полутора часов длилось театрализованное представление, в котором участвовали дети и подростки всех возрастов. Закончилось всё съёмками коллективной фотографии нынешних жителей Николиной Горы, которые с огромным трудом поместились в один кадр. Сохраняется уникальная никологорская идентичность, которой постепенно проникаются и «вновь прибывшие», особенно их дети. Есть все основания надеяться, что перефразированная строка Пушкина «Нам целый мир чужбина, отечество — Николина Гора», которой рано ушедшая от нас известная тележурналистка Елена Курляндцева закончила свой видеосюжет об этом удивительном посёлке, будет созвучна чувствам всё новых и новых поколений никологорцев.

В качестве иллюстраций к статье использована графика М. Г. Горбачёва, первого, кто в 1992 году оформил прописку в Николиной Горе.

«Я НА РОК-Н-РОЛЛЕ ОСТАНОВИЛСЯ»

В июле в ДТ Переделкино останавливался легендарный переводчик Виктор Петрович Голышев. Мы, конечно же, воспользовались ситуацией — на разговор с корифеем отправился главный редактор «Перерыва» Денис Крюков.

«ПЕРЕРЫВ»: А ВЫ КОГДА ВПЕРВЫЕ В ПЕРЕДЕЛКИНО ОКАЗАЛИСЬ?

В. Г.: Я думаю, что это был какой-нибудь восьмой класс. Год 1950-й или 1951-й, где-то так. Мне предстояло передавать «Конституцию СССР». С четвёрки на пятёрку. Не помню, получилось или нет.

Мать со своим мужем Николаем Отеном снимали половину дома Афиногенова. Там я видел Лилю Брик. Старушка как старушка, ничего особенного. Со светлыми волосами. Больше ничего не помню. Мне мать сказала: это Лилия Брик. Ну я знал, кто это такая, но без подробностей.

«П.»: И ЧАСТО БЫВАЛИ ПОТОМ?

В. Г.: Нет. Это был единственный случай. Это они, мать с мужем жили. Наверное, снимали. Я боюсь соврать, но, может быть, это был Бориса Горбатова этаж. Если Горбатова, то вряд ли они за деньги снимали. Пустили, наверное, просто.

«П.»: А ПОТОМ НЕ ПРИЕЗЖАЛИ НИ В ДОМ ТВОРЧЕСТВА, НИ В ПЕРЕДЕЛКИНО?

В. Г.: Приезжал. Один раз с детьми мы приезжали, это я точно помню. И помню, я один был здесь в каком-то коттедже. Проспал, по-моему, полтора суток. Я думаю, что это какие-то 70-е годы. Почему я сюда угодил, не помню. Литфонд давал эти путёвки спокойно. Дёшево было совсем. Ну это я уже не помню, какие годы. Я никаких дневников никогда не вёл.

«П.»: ПОЧЕМУ НЕ ВЕЛИ?

В. Г.: А зачем? Мне неинтересно про прошлое. Проехали.

«П.»: НАСКОЛЬКО Я ПОНИМАЮ, ВЫ ВСЕГДА САМИ ВЫБИРАЛИ ТЕКСТЫ ДЛЯ ПЕРЕВОДА.

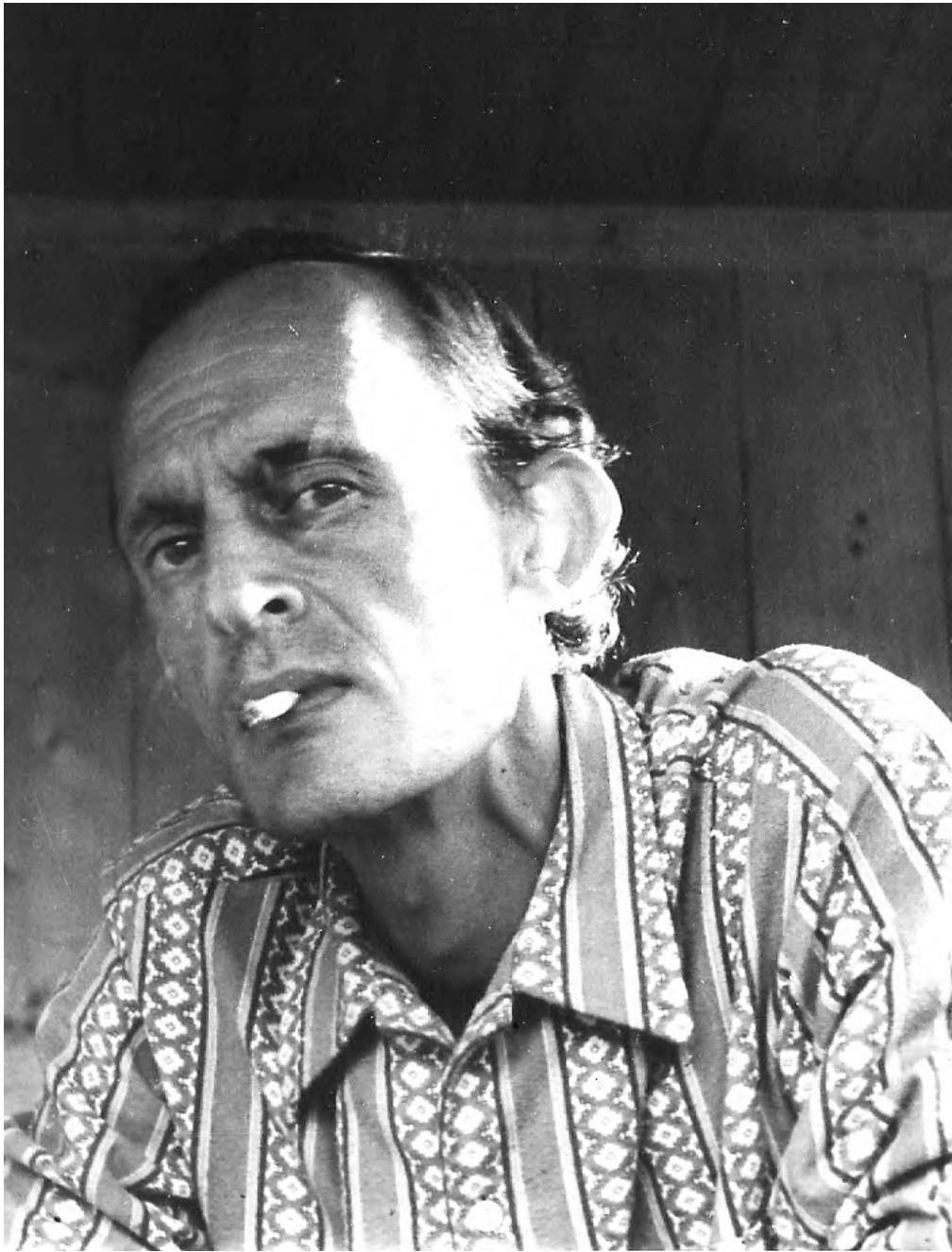
В. Г.: До смены власти — да. Только так.

«П.»: НУ ТО ЕСТЬ МОЖНО БЫЛО АБСОЛЮТНО СВОБОДНО САМОМУ ПРЕДЛАГАТЬ?

В. Г.: Или предлагать, или просто готовое носить. Начал я с того, что готовое носил. Там, в «Новый мир» тебя не берут, ты идёшь в «Знамя». «Знамя» я очень хорошо помню. Сидел там зам главного редактора. И разговаривал с каким-то человеком. О чём-то американском. Полчаса я слушал их разговор. Потом говорю: вот я перевёл повесть, маленький роман. Он говорит: социальный момент есть? Я сказал: нету. Ну тогда не надо. Ну пошёл дальше.

«П.»: ТО ЕСТЬ ХОДИЛИ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПО ЖУРНАЛАМ, НЕ ПО ИЗДАТЕЛЬСТВАМ?

В. Г.: Из издательств были «Худлит» и «Иностранка». В «Худлите» уже свои корифеи были. А ты с улицы при-

Виктор Голышев, автопортрет в Тарусе, 1970-е

ходишь, пацан какой-то. Не член Союза ещё.

Ну и у них такая идея была, что Хемингуэй, например, уже известный и безопасный. А ты приносишь Уайлдера какого-нибудь, а они не знают, кто это такой. На фиг им это надо. А я старался работать с тем, чего ещё не переводили. А этого было очень много. Ну и ты прикидываешь, что может пройти здесь, а что не может.

В общем, получилось так, что почти всё в «Новом мире» было. Сперва сидела там Ирина Павловна Архангельская — «Всю королевскую рать» она напечатала. А потом там Лара Беспалова стала сидеть. Я туда постоянно носил. Это хорошо, так как уже знакомый редактор, знает, кто ты такой.

«П.»: Я ТАК ПОНИМАЮ, ЧТО ВОТ ЭТО ИЗДАНИЕ «ЗАВТРАКА У ТИФФАНИ» В БИБЛИОТЕЧКЕ «ОГОНЬКА» ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ, ДА?

В. Г.: Это, кетати, первая полная версия. А сначала в журнале «Москва». Я пришёл к замглавного. Он говорит: повесть же про женщину лёгкого поведения. Я: ну да. Он говорит: а что, нам это надо? Я говорю: это не я буду решать, это вы будете решать. В результате они напечатали без первых десяти страниц. По очень простой причине. Потому что начинает-

ся с того, что герой в Африку приезжает и в племени каком-то видит головку, вырезанную из дерева, узнаёт в ней женщину, с которой в одном доме в Америке жили. Ну и вырезал эту головку негр, с которым она жила в Африке. Ну как это с негром она живёт? Хотя у нас расизма не было, смутило их именно то, что белая женщина живёт с негром. С одной стороны, мы там кричали про права негров, а с другой стороны — вот. И они напечатали без начала. Но тут же вышла быстро эта книжка в «Огоньке». Это первое нормальное издание.

«П.»: А КАК В «ОГОНЁК» ПОПАЛ ПЕРЕВОД? ТОЖЕ ВЫ ПРИНЕСЛИ?

В. Г.: Нет, думаю, что они прочли и захотели напечатать, потому что это были ходовые книжки. Но я им не носил ничего. Это уже их инициатива была. Зато здесь полностью напечатали.

«П.»: А ВАМ ЗА ЭТО ИЗДАНИЕ ДАВАЛСЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ГОНОРАР?

В. Г.: Да, за это отдельно заплатили. Ну и там Капоте ещё перепечатывался.

«П.»: ТО ЕСТЬ КОГДА КНИЖКА НОВАЯ ВЫХОДИЛА, ТО ЕЩЁ ДЕНЕГ ДАВАЛИ?
В. Г.: Каждый раз, да. Новое издание — тогда платили. И если дополнитель-

ный тираж выходил, то платили, но чего-то меньше уже. Это важный вопрос был, потому что я на эти деньги жил.

«П.»: А КАКОГО УРОВНЯ БЫЛИ ГОНОРАРЫ?

В. Г.: Примерно 100 рублей за авторский лист. И гонорар зависел от тиража. Но не в журнале, а в книге. Было понятие «массовый тираж»: не помню, 50 тысяч или 100. Тогда это 100 или 150 рублей за лист. Так что лист — это примерно как зарплата инженерская, чуть лучше.

«П.»: ПЫТАЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ИНОГДА ЧИНИТЬ АВТОРСКИЙ ТЕКСТ? ТО ЕСТЬ ЕСЛИ ВЫ ВДРУГ ОБНАРУЖИВАЕТЕ ФАКТИЧЕСКУЮ ИЛИ ЛОГИЧЕСКУЮ ОШИБКУ.

В. Г.: Во-первых, у меня этого никогда не случалось. Фактические, может быть, один или два раза были. Логических никогда. Во-вторых, исправлять не надо. Ты второстепенный человек. Надо своё место знать. Его ошибки — это его ошибки. Но я не помню, чтобы кто-то ошибался. Из тех, кого я переводил.

«П.»: Я ЧИТАЛ БРЕТА ИСОНА ЭЛЛИСА, ЕГО РОМАН «ЛУННЫЙ ПАРК». В НАЧАЛЕ НУЛЕВЫХ ОН, ПО-МОЕМУ, ВЫШЕЛ. И В ЦЕЛОМ ПЕРЕВОД МНЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛСЯ. НО ТАМ В КАКОЙ-ТО МОМЕНТ ВДРУГ ПОЯВЛЯЕТСЯ ФРАЗА: «ПРИДЁШЬ ДОМОЙ, ТАМ ТЫ СИДИШЬ». А ЭТО, МЫ ПОНИМАЕМ, ЦИТАТА ИЗ ПЕСНИ ВЫСОЦКОГО. КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТАКОГО РОДА ВСТАВКАМ?

В. Г.: Я давно решил, что я не сужу чужих переводов. Стал бы я это делать? Нет. Но это не значит, что я это как-то осуждаю.

А так — да, ты находишься в том мире, а тут вдруг тебя вытаскивают в наш мир. Путём одной цитаты. Ну и остальное тоже смещается немножко. Правда, я думаю, что для читателя это не так важно.

«П.»: КАК ВЫ СПРАВЛЯЕТЕСЬ, КОГДА В ТЕКСТЕ ЕСТЬ ОЧЕВИДНАЯ ДЛЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ АВТОРА КУЛЬТУРНАЯ ОТСЫЛКА ИЛИ ЦИТАТА, НО ДЛЯ НАШЕГО ЧИТАТЕЛЯ СОВСЕМ НЕ УЗНАВАЕМАЯ?

В. Г.: Ну, не расширяваю обычно. Если это очень важное что-то, то ставлю примечание. Я при этом не люблю подстрочные примечания, потому что это вырывает из потока чтения. Если позарез надо — примечание в конце. А сносок подстрочных я по большей части избегал. Они отвлекают.

«П.»: ВАШЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК-ТО ПОВЛИЯЛО НА ВАШ МЕТОД ПЕРЕВОДА?

В. Г.: Никогда не думал над этим. Наверное, повлияло. Это некоторый педантизм и послушность по отношению к автору. Ну и когда ты Стейнбека переводишь

«Заблудившийся автобус», а там довольно много про его устройство. Мне с этим легче было. Но, правда, я всё равно купил учебник шофёра третьего класса, чтобы не облажаться. Когда речь идёт о технических делах, то лучше, конечно, чего-то соображать в этом.

Если надо, там, про парусный спорт переводить, то к этому надо готовиться. Но книжки, где слишком много технологий, мне не приходилось переводить. Про лётчиков я не переводил романов. Но если надо было бы, то, наверное, пришлось бы учебники какие-то читать. И это даже не так тебе по факту нужно, скорее ты просто не в тёмном лесу находишься, как-то это всё обжитой территорией становится. Машину-то с пятое на десятое я мог водить, при наличии инструктора рядом. А подробности лучше узнавать, конечно.

Нет, с автомобилями, когда там две-три строчки, мне труда не составляет перевести. Потому что меня в детстве на автомобиле возили в школу. Папаша был в автомобильном министерстве, машина стояла всё время, а он сидел в министерстве, ему она фактически не нужна была. И, там, в первом классе меня в школу возили на машине, хотя пешком было пятнадцать минут. Он боялся, что я попаду под колёса. А когда ты едешь на машине регулярно, с шофёрами — я их помню всех — разговоры происходят, они тебе любят объяснить что-то. Поэтому я довольно хорошо был подкован в автомобильном транспорте.

«П.»: ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ ВВОДИТЬ В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК КАКИЕ-ТО НОВЫЕ СЛОВА? НУ ВОТ СЧИТАЕТСЯ, ЧТО АКСЁНОВ ПЕРВЫМ ДЖИНСЫ УПОМЯНУЛ В СВОЕЙ ПРОЗЕ.

В. Г.: Чего-то я не помню такого. Я не знаю, когда джинсы стали в ходу. Вроде в конце 50-х. Ещё их какие-то спекулянты продавали. У моего приятеля были джинсы, да. Наверное, многие об этом мечтали. Первый ли он упомянул? Думаю, что они в ходу были, а в литературе — не знаю.

В «Королевской рати» полно этого дела. Слово было ходовое вполне среди молодёжи. Но книжка вышла году в 67-м. А когда школу заканчивал, ещё пижоны джинсов не касались. Говорили: брюки — во, плечи — во, костюм американского джентльмена. И галстук — во, да ещё узенький галстук.

«П.»: ЭТО СТИЛЯГИ?

В. Г.: Это немножко даже после стиляг. Стиляги ещё, по-моему, при Сталине появились. Ходили в кашне. А я как раз жил в центре, там «Коктейль-холл» был, на улице Горького. Так что я этих людей видел, которые в белых кашне ходили шёлковых. И с широкими плечами.

«П.»: ИНТЕРЕСНО ВЫГЛЯДЕЛИ?

В. Г.: Да ну мне это как-то так... Я в последнем классе в лыжном костюме ходил в школу. В папашином, с 30-х годов. У нас этого как-то в школе не было ничего. Там у половины ребят, по-моему, отцов не было. Неизвестно, кто си-

В. Голышев с коллегой по университету в городе Марблхед, 1991 год

дел, кто на войне погиб. Никто никого не расспрашивал. Нет, у приятелей, я знал, что отец. У одного кагэбэшник был отец, у другого — певец. Ну, как-то между ребятами никакой особенной разницы не было.

«П.»: СКАЖИТЕ, А ВОТ ВАШИ ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕВОДЫ ЕЛЕНЫ МИХАЙЛОВНЫ, ВАШЕЙ МАМЫ, ОНИ МОГЛИ БЫ СОСТАВИТЬ НЕКУЮ СЕМЕЙНУЮ ТРАДИЦИЮ ПЕРЕВОДЧЕСКУЮ ИЛИ ЭТО СОВЕРШЕННО НЕЗАВИСИМЫЕ ЯВЛЕНИЯ?

В. Г.: Независимые. Я даже тогда не интересовался переводами. Они как-то так возникли. Когда мы институт заканчивали, я первый рассказик перевёл с приятелем Эриком Наппельбаумом. Мы учились вместе с ним. Он говорит: а давай переведём. Говорю: ну, давай. А потом уже, когда мне надо было уйти с работы... Я отработал три года как инженер. И это была тупиковая история. И я знал, что она тупиковая. Машинку-то я сделал, которую надо было за два с половиной года соорудить. Но мне понятно было, что она никому не нужна. И ушёл сразу, как кончился этот обязательный срок. А дальше что-то делать надо было. А что я умел? С моим дипломом я не мог пойти учителем физики и не мог поступить в техникум преподавателем. А деньги кончились через полгода.

В. Голышев с однокурсником Юрой Кичатовым после окончания института, 1960-е

Я говорю, а зачем ты ставишь? Она говорит, фирма у нас такая. «Старик и море» она сама переводила. Он не захотел Хемингуэя. Потому что Молотов сказал, что это глупая книга. И он решил, не надо это переводить. Так же, как он не велел ей «Королевскую рать» переводить.

«П.»: ВЫ ГОВОРИЛИ, ЧТО ОБЫЧНО ПЕРЕД ТЕМ, КАК БРАТЬСЯ ЗА ПЕРЕВОД, ВЫ ПРОЧИТЫВАЛИ КАКОЕ-ТО КОЛИЧЕСТВО СТРАНИЦ И ПОНИМАЛИ, ЭТО АВТОР ВАШ ИЛИ НЕ ВАШ.

В. Г.: С двух страниц. Не, я прочитаю до конца... Но с двух страниц понятно, что ты этого переводить не хочешь. И чем это объясняется, непонятно. Не сюжетом.

«П.»: БЫВАЛО ТАК, ЧТО ВЫ ПОНИМАЕТЕ, ЧТО СОВСЕМ НЕ ВАШ АВТОР, А ВСЁ РАВНО ИНТЕРЕСНО.

В. Г.: Нет, не помню такого. Если не ваш, то не интересно и переводить.

Это часть жизни. Ты сидишь, там... ну, я мог и 12 часов в день переводить, пока молодой был. И ты сидишь весь день, общаешься с этими людьми, а не со своими семейными. Ну и не твоё, а ты будешь восемь часов в день ковыряться? Это поначалу было, потом уже, особенно после перестройки, по-другому. Ну там уже просто профессиональные дела. Если тебе это не поперёк, можно переводить. А до перестройки только что я хотел, то и переводил. Это не всегда удобно, потому что тебе это нравится, а другим, может, это неохота печатать. Каждый раз это с препятствиями публикации. Например, со Стайроном. Он что-то сказал про коммунизм, а я полтора года ковырялся уже с романом. Тут же это донесли в редакцию. Сказали, не надо переводить. А у меня уже полкнижки переведено. И что я буду делать? А аванс я не брал никогда в жизни.

«П.»: А ПОЧЕМУ?

В. Г.: Ну из суеверия. Деньги возьмёшь, а перевести не сможешь.

«П.»: И СЛУЧАЛОСЬ ТАК, ЧТО НЕ ПОЛУЧАЛСЯ ПЕРЕВОД?

В. Г.: Нет. Вру, было один раз в жизни. Да, это детектив был Дэшила Хэммета. Там очень много жаргона. Но у них жаргон есть, а у нас его нет. У нас либо литературный язык, либо феня. А у них есть посередке. То, что литературное, но как бы жаргон. У нас следующий этап — это блатная феня. А на неё переводить нельзя. Она сразу смещает куда-то текст в наши края. Вот я затеял переводить две новеллы. И вижу, какая-то ерунда получается. И бросил перевод. А через несколько лет сообразил, как это можно сделать. Потому что, как вам сказать, вот этот приблатнённый язык можно переводить русским языком, но как-то немножко его переставляя — можно эффекта разухабистости другими способами достигнуть. Так что лет пять-шесть пролежал, а потом я его перевёл всё равно.

Окончание статьи на стр. 16 --->

<--- Начало статьи на стр. 14-15

«П»: ВЫ В 90-Х ДЛЯ НТВ, ПО-МОЕМУ, КИНО ПЕРЕВОДИЛИ? А ДО ТОГО ОПЫТЫ С КИНО БЫЛИ?

В. Г.: Ну, кстати, был. Меня как-то подруга позвала в Дом кино. Это «Молодой мистер Линкольн» был. И мне надо было переводить его с микрофоном. Когда один говорит или там по отдельности, всё понятно. А когда они галдеть начинают, я ничего не понимаю. Ну я так и говорю, что не понял, чего они кричат. Публика ржала. Но это был двухразовый опыт.

«П»: Я ТАК ПОНЯЛ, ВЫ БЫЛИ ЗНАКОМЫ С ПЛАВИНСКИМ, ЗВЕРЕВЫМ?

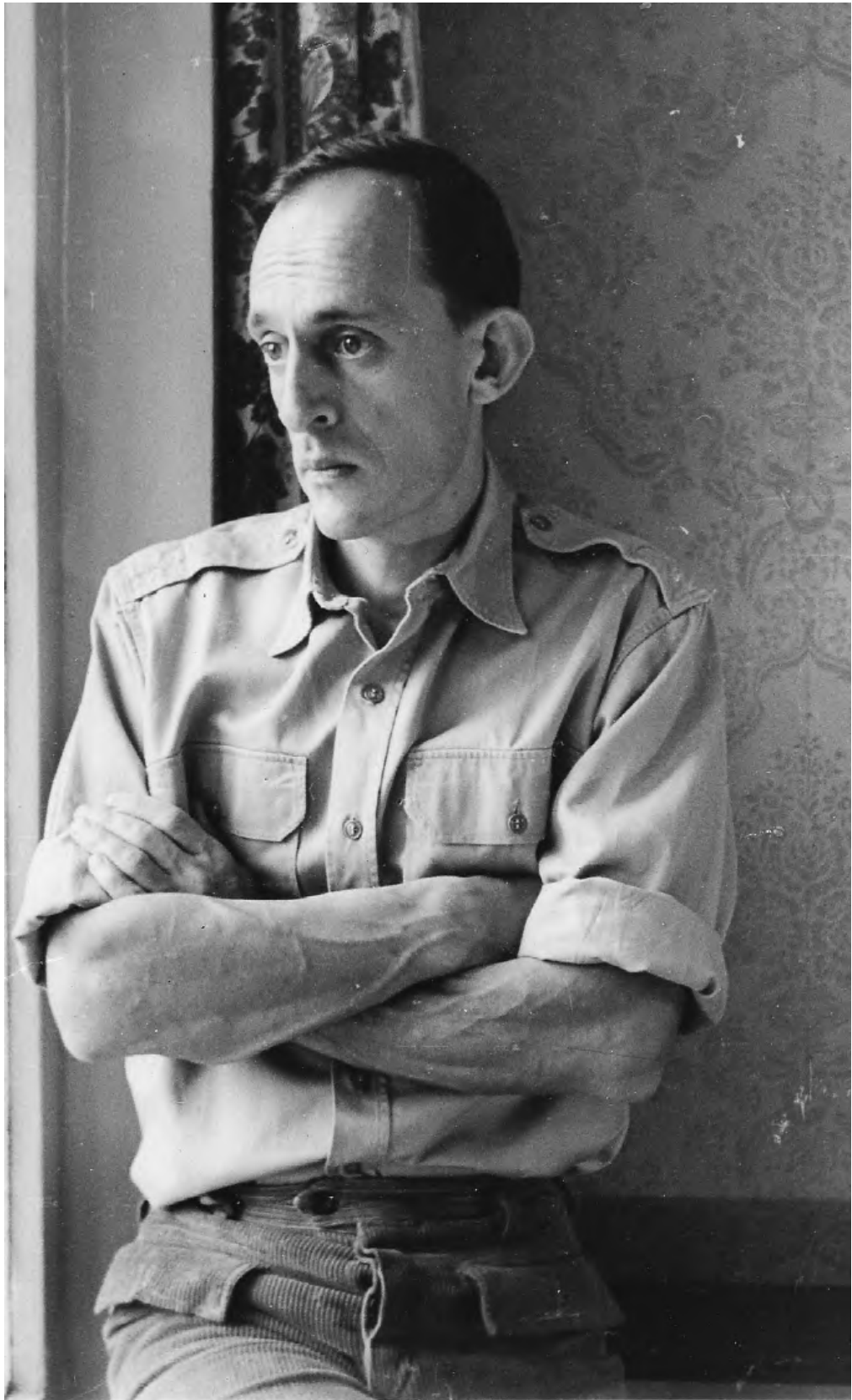
В. Г.: Это преувеличение. Я их видел живых.

«П»: В ТАРУСЕ?

В. Г.: В Москве. Не помню, чтобы я Зверева в Тарусе видел. Я знал, что ему там чуваки сломали руку. На танцах такой «Дикий Запад» был отчасти. Но я его там не видел. Плавинского не помню. Плавинский, по-моему, какое-то время тоже жил в Тарусе. Снимали они дом. И один раз, может быть, он ко мне зашёл, но у нас никаких приятельских отношений не было. А со Зверевым тем более. Зверева я потом на выставках видел. У них на Малой Грузинской был выставочный зал, где этих всех леваков показывали. Вот я его там живого видел. Но не разговаривал. Видел, что он какой-то насмешливый чувак. Ну, по тому, как он с другими разговаривал.

«П»: А ВОТ ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ПРО ТАРУСУ, ТАМ СЛОЖИЛАСЬ, КАК СЕЙЧАС ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ, «ТУСОВКА»?

В. Г.: Значит, в конце 50-х и в 60-е годы небольшая тусовка, видимо, была. Литературная. В связи с «Тарусскими страницами», может быть. Они приезжали там, уезжали, кто-то жил в Тарусе. Ну вот туда вроде Казаков иногда приезжал. И даже говорят, одну зиму он провёл в Тарусе. Калужские писатели приезжали. Паустовский жил там. Ну и его ученики из литинститута. А потом как-то в 70-е годы все скисли. Сейчас это в основном художники. Но это уже в более позднее время. У них выставки там каждый год проходят.

Виктор Голышев в квартире на Тишинской площади, 1970-е

«П»: НАСКОЛЬКО МАРШРУТЫ РАЗНЫХ МОСКОВСКИХ ТВОРЧЕСКИХ ЦЕХОВ ПЕРЕСЕКАЛИСЬ?

В. Г.: Не знаю. Я ни в одной тусовке не был. В Союз писателей я не ходил. Когда-то я был членом бюро секции переводчиков. Ну вот на заседания ходил. Там раз в два месяца, может. А так я никак не пересекался ни с кем. Сидишь дома, переводишь. Вот и всё. Такая жизнь однообразная.

«П»: ТО ЕСТЬ В «НАЦИОНАЛЬ», «МЕТРОПОЛЬ» НЕ ХОДИЛИ?

В. Г.: В «Националь» я ходил один раз. Когда второй перевод рассказика вышел. Я с двумя приятелями пошёл отпраздновать. Вот так я и тусовался. В Доме литератора всё время тусовка была. Общались люди. Ресторан был, и всё. Какие-то сносные цены. Но я не ходил.

«П»: НЕИНТЕРЕСНО ПРОСТО БЫЛО?

В. Г.: Ну а что ты там будешь делать? У меня знакомых мало.

«П»: Я ЗНАЮ, ВЫ ЛЮБИЛИ ДЖАЗ СЛУШАТЬ.

В. Г.: Да, с 55-го года, когда его стали передавать по «Голосу Америки». Ну, это как работа была, каждый вечер. Я сейчас читаю книжку о джазе. Ну, не читаю, а поглядываю. Не знаю уж, сколько я из этого тогда слышал. Но книжка толстенная. Больше времени ушло на неё, чем на изучение этой физики. «Становление джаза» Коллиера.

«П»: А ВЫ ТОЛЬКО ДЖАЗОМ УВЛЕКАЛИСЬ ИЛИ РОК-Н-РОЛЛОМ ТОЖЕ?

В. Г.: На рок-н-ролле я это приостановил. Первый рок, который я услышал, был Билл Хейли. Потом-то это стало называться роком, а сначала рок-н-ролл, да. Кого-то я слышал: Элвис Пресли, «Лед Зеппелин». Но эта цивилизация мимо меня прошла. Передадут — послушаю, а так нет. Вот на этом кончилось всё. Это уже их поколение — рок. А я на рок-н-ролле остановился.

Фото из архива В. П. Голышева

ГАЗЕТА «ПЕРЕРЫВ»

Главный редактор: Денис Крюков

Арт-директор: Юлия Дикевич

Над номером работали:

Наталья Бакшаева, Марина Белова, Оксана

Васякина, Ольга Говорова (Гриб), Екатерина

Гуляева, Анна Демчикова, Михаил Курабье,

Фарит Нагимов, Валера Полиенко, Алексей

Политов, Иван Сухий, Ярослава Танькова,

Алиса Тацки, Дмитрий Цыганов

Корректорское бюро «Ёлки-палки»

Отпечатано в ОАО «Московская газетная типография». Заказ №3043. Тираж 2000 экз.

Адрес: ДСК «Мичуринец», поселение

Внуковское, ул. Погодина, 4,

Дом творчества Переделкино

info@pro-peredelkino.org

+ 7 (916) 260-94-88

ЧТО ПИШУТ

Переделкинские литераторы рассказывают,
над чем сейчас ведут работу

Галина Полиди:

драматург

Вместе с Юрием Ряшенцевым закончили мюзикл по «Двенадцатой ночи» для питерской Музкомедии. Взяли сюжет Шекспира за основу, а дальше герои принялись хулиганить — впрочем, вполне в духе автора. Шекспировские шутки и остроты мы постарались сохранить, сделав их по возможности ближе современному зрителю. Музыку пишет питерский композитор Максим Кошеваров.

Я написала для детского театра пьесу о Емеле, в которой одними из главных действующих персонажей

стали ходячие Вёдра и несущие ответственность за приручённых ими людей Коты. Юра тексты музыкальных номеров стилизовал под орenburgские казачьи народные песни.

Сейчас мы работаем с рассказами Андрея Платонова. Перевести его текст в жанр мюзикла, сохранив уникальный платоновский язык и атмосферу, — задача невероятно сложная; кажется, пока получается не очень.

Ну а самое главное, Юрий Ряшенцев, как обычно, как всегда, пишет стихи.

Екатерина Волгина (Маевская):

писатель

«Слова ваши, порядок слов мой», — любил повторять замечательный Лев Аннинский, тоже некогда насельник одной из переделкинских дач. Мне посчастливилось не только соседствовать с ним в Городке писателей, но и несколько раньше быть в его институтском семинаре. И очень горестно, что многое из написанного мною теперь он не узнает. В том числе — недавний рассказ под названием «Врачебная тайна», повествующий о выдающемся докторе, о жизни и смерти, о любви. Как и многие другие, этот текст будет входить в новую книгу. Но об этом позже. А пока «Врачебную тайну» можно будет разгадать на страницах любимого мною журнала «Юность» уже в сентябре.

События и новости Дома творчества

«Телеграм»

«ВКонтакте»

YouTube